

А. В. ГАНИН

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920–1922 ГГ.¹

Главной военной академии старой России — Николаевской — история отвела очень символический, но непродолжительный временной отрезок. Основанная в ноябре 1832 г. академия под разными наименованиями просуществовала ровно 90 лет до ноября 1922 г. Если первый период истории академии (до 1882 г.) получил глубокое освещение в классической работе Генштаба генерал-майора Н. П. Глиноецкого², то закат академии до сих пор не попадал в поле зрения историков, а отдельные работы, касающиеся частных аспектов истории академии этого времени, содержат множество ошибок. Между тем история академии в период войн и революционных потрясений ничуть не менее интересна, а по насыщенности событиями оставляет предшествующий период далеко позади, причем наименее известны последние три года существования академии в 1920–1922 гг.

В июле—августе 1918 г. академия практически в полном составе попала к противникам большевиков в районе Екатеринбург и Казани, разделив с этого времени судьбу антибольшевистского Восточного фронта. Приказом Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания Николаевская военная академия была переименована во Всероссийскую академию

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350а² «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

² Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.

Генерального штаба, а приказом по военному ведомству № 101 от 30 марта 1919 г. впредь должна была именоваться Военной академией³. С осени 1918 по осень 1919 г. академия находилась в Томске, где в начале 1919 г. был открыт младший класс усовершенствованных курсов 4-й очереди и подготовлена целая плеяда младших офицеров Генштаба для колчаковских войск. В связи с неудачами на фронте, чтобы избежать нового захвата большевиками, академия в октябре 1919 г. эвакуировалась из Томска во Владивосток, где и находилась вплоть до конца Гражданской войны. По некоторым данным, в необходимости эвакуации во Владивосток начальник академии и одновременно 1-й генерал-квартирмейстер Ставки Генштаба генерал-майор А. И. Андогский смог убедить Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А. В. Колчака.

Вопрос с размещением академии в пригодных для сохранения библиотеки и прочего имущества помещениях был непростым. Расположить академию предполагали в освободившихся помещениях Инструкторской школы А. Нокса.

О предстоящей эвакуации стало известно уже 1 октября 1919 г.⁴ Остававшиеся при академии профессора Генштаба генерал-лейтенанты Б. М. Колубакин и Г. Г. Христиани высказались против эвакуации через всю Сибирь в холодное время года, о чем 6 октября написали начальнику штаба Верховного главнокомандующего Генштаба генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу⁵. Среди доводов было то, что для открытия академии после эвакуации потребуются не менее пяти месяцев. Однако Андогский ответил им, что эвакуация академии — это государственное мероприятие⁶. На следующий день был издан приказ Дитерихса № 1228 от 7 октября 1919 г., которым было предписано эвакуировать академию из Томска во Владивосток.

Приказом № 1229 в тот же день было опубликовано распоряжение Колчака об открытии после эвакуации с 1 января 1920 г. по особому распоряжению при академии военно-академических курсов для подготовки офицеров к исполнению младших должностей Генштаба в полевых штабах действующей армии. Пред-

---

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 126. Впрочем, в отдельных документах академии она и позднее, уже во владивостокский период, продолжала именоваться Всероссийской.

⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 53. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Там же. Л. 21; Д. 52. Л. 18.

полагалось устроить два шестимесячных класса⁷. Требовалось разработать положение о приеме офицеров на курсы, о правах окончивших. Приказом № 1261 от 12 октября прием в младший класс был разрешен не только для колчаковских офицеров, но и для «офицеров, состоящих в войсках Южного, Северного и Северо-Западного освободительных фронтов, по выбору и удостоению Главнокомандующих этими фронтами — генералов Деникина, Миллера и Юденича, — по расчету: не более 100 офицеров от войск генерала Деникина, не более 25-ти от войск генерала Миллера и не более 25 — от войск генерала Юденича»⁸. В старшем классе также могли обучаться офицеры со всех белых фронтов, ранее прошедшие подготовку на младшем классе ускоренных курсов 1-й и 2-й очереди. Отмечалось, что «при невозможности командировать всех офицеров, прошедших ускоренный младший класс первой или второй очередей — назначить для сего хотя бы некоторое их число, имея в виду возможность командировать остальных позднее»⁹. В связи с крушением колчаковского фронта все эти проекты остались на бумаге.

В условиях разрухи прекрасная академическая библиотека и склад учебных пособий были настоящей находкой для многих учебных заведений. Сама академия охотно делилась своими богатствами. Еще летом 1919 г. книги, видимо, выдавались Челябинской офицерской школе. Перед эвакуацией из Томска в октябре 1919 г. академия буквально раздавала запасы учебных пособий и книг различным военно-учебным заведениям. Сведения о размерах книжной помощи отражены в таблице 1.

В общей сложности учебным заведениям было выдано 3052 тома 22 наименований. В основном это были работы Л. Н. Гобято по артиллерии (7 наименований), Б. М. Колюбакина по военному искусству и артиллерии (3 наименования), А. П. Агапеева по железнодорожным войскам и тактике (2 наименования), А. К. Баиова по истории военного искусства (8 наименований), труды по передвижению и безопасности войск. Некоторые издания получили частные лица. В ноябре 1919 г. книги запросил профессор Покровский из Пермского университета. Несколько книг взял преподаватель 1-х Томских пехотных училищных курсов полковник Граблевский.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 544. Оп. 1. Д. 1656. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 52. Л. 7 об.

Таблица 1. Сведения о выдаче книг со склада учебных пособий академии Генерального штаба в октябре 1919 г.¹⁰

Кому выдано	Количество наименований	Количество экземпляров
Екатеринбургской инструкторской школе	22	2 508
1-м Томским пехотным военно-училищным курсам	11	344
Офицерской инженерной школе	6	200

Раздавались те книги, которые имелись в большом количестве экземпляров. Однако академия не только раздавала книги, но и собирала их, причем в период эвакуации отправлять не сданные читателями книги предписывалось сразу по месту будущей дислокации — во Владивосток.

21 октября из Дома Науки в Томске, где располагалась академия, на станцию Томск-2 было отправлено 216 ящиков с имуществом академии, среди которых было 186 ящиков склада учебных пособий и 30 ящиков архива¹¹. Для наблюдения за эвакуацией 27 октября в Томск прибыли А. И. Андогский, вступивший в должность начальника академии, и правитель дел академии Генштаба полковник А. П. Слижиков¹². К 1 ноября для эвакуации требовалось подготовить подвижной состав — 3 классных вагона, 10 теплушек, 83 крытых вагона, 2 платформы, 3 конских вагона, отдельно для личного состава академии готовили еще один багажный и два классных вагона¹³.

Академия была эвакуирована из Томска в трех эшелонах. Первый эшелон под руководством полковника В. Н. Главацкого, включавший академическую библиотеку (250 000 томов), склад учебных пособий и геодезических инструментов (топографические и геодезические инструменты на 350 слушателей), экспедиционный отдел, архивы, музеи, части типографии и личное имущество высшего учебно-административного состава, выехал из Томска 1 ноября.

¹⁰ Составлено по: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1636. Л. 26, 106 об.

¹¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1636. Л. 36.

¹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 44. Л. 93.

¹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 52. Л. 36.

Второй эшелон под начальством штабс-капитана А. С. Дружинина, в котором перевозились остатки имущества библиотеки, типографии и большая часть личного имущества учебно-административного состава академии и рабочих типографии, выехал из Томска 10 ноября 1919 г. На Дальний Восток эшелон продвигался крайне медленно, вследствие действий партизан, а также из-за ожидания оставшегося в Ставке персонала академии, в т. ч. ее начальника, генерала Андогского и членов конференции (коллегиального руководящего органа академии) — Н. И. Коханова, Д. В. Филатьева, В. И. Сурина и А. А. Сурнина.

В третьем эшелоне, которым руководил заведующий типографией подполковник К. А. Наумов, перевозилась незначительная часть личного имущества и весь личный состав, кроме уехавших первыми двумя эшелонами. Эшелон отправился 19–20 ноября. В третьем эшелоне ехали профессора Колюбакин, Христиани, правитель дел Слижиков. Андогский догнал эшелон лишь в Иркутске.

Поскольку самый ценный груз (имущество библиотеки и музей академии) находился в первом эшелоне, его сопровождала вооруженная охрана: от станции Тайга — караул 7-го Чехословацкого стрелкового полка, а от Мариинска до Красноярска — караул 8-го Чехословацкого стрелкового полка¹⁴. В связи с особой ценностью грузов представители академии просили предоставлять для сопровождения исключительно надежных людей¹⁵. Изначально были выделены два взвода охраны в количестве 64 человек¹⁶.

О тщательности перевозки имущества академии свидетельствует следующий случай. На станции Мариинск 12 ноября с вагона с библиотечной мебелью и железными кроватями полэскадрона академии была сорвана пломба. Несмотря на то, что в вагоне перевозились громоздкие вещи, которые похитить было невозможно, начальник эшелона штабс-капитан Дружинин требовал пломбировки и закрытия открывшегося люка. В итоге люк забили железным листом¹⁷. Впрочем, имущество академии могло погибнуть и по глупости колчаковского командования, которое, несмотря на протесты Дружинина, прицепило к эшелону академии два вагона с динамитом, следовавшие до Красноярска.

¹⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 26.

¹⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 52. Л. 41.

¹⁶ Там же. Л. 41об.

¹⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 25.

Кроме того, к эшелону прицепили четыре теплушки с беженцами и платформу с сеном¹⁸.

В период эвакуации Андогский 6 ноября по срочной телеграмме начальника штаба Верховного главнокомандующего отбыл в командировку в Омск¹⁹, затем по предписанию начальника штаба Верховного главнокомандующего и Главнокомандующего Восточным фронтом совершал командировку по инспектированию войск Дальнего Востока, из которой возвратился в академию 8 декабря 1919 г.²⁰ Вр. и. д. начальника академии был назначен Колюбакин.

8 и 10 декабря 1919 г. первые два эшелона прибыли во Владивосток. Во Владивостоке оказались заместитель начальника академии Генштаба генерал-лейтенант А. И. Медведев, генерал-майоры А. Т. Антонович, М. А. Иностранцев и Г. Т. Киященко, полковники В. Н. Главацкий и П. Г. Осипов, подполковник Б. А. Вуич, библиотекарь академии штабс-капитан Дружинин и квартирмейстер ротмистр В. Э. Арнольд. Через несколько дней приступили к их разгрузке и перевозке имущества в распоряжение 36-го Сибирского стрелкового полка на Русском острове. Разгрузкой эшелонов руководил начальник второго эшелона штабс-капитан Дружинин.

Сохранилась довольно субъективная оценка того, как проходила разгрузка, оставленная противниками академического начальства:

«Эшелоны были поставлены на 16 причал пристани Эгершельд. Ежедневно, а иногда и ночью, приходила артель грузчиков русских или китайцев, вскрывалось несколько вагонов, и грузчики переносили ящики с книгами, тюки с картами, мебель и прочее на баржу. Нагруженная баржа уходила на остров и там разгружалась при помощи матросов, китайцев и австро-германских военнопленных вначале на пристани Подножия, а затем, когда замерзла бухта Новик, то на пристани Поспелово, откуда на лошадях и грузовом автомобиле все вещи доставлялись в казармы 36-го полка.

Присмотр был недостаточен, рабочие вели разгрузку крайне небрежно, книги из ящиков рассыпались, все имущество подмачивалось водой в барже или дождем и снегом. Ветры и непогода также препятствовали работе»²¹.

¹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 25 об.

¹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 502.

²⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 44. Л. 118.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 44 об.

Никто из начальства, кроме Дружинина, непосредственно за разгрузкой не наблюдал. Кто-то был занят решением личных дел, кто-то службой у главного начальника Приамурского края и командующего войсками Приамурского военного округа Генштаба генерал-лейтенанта С. Н. Розанова.

«Вся перевозка имущества носила характер самого хаотического перетаскивания, причем гнались за спешностью, а не качеством работы, хотя всем близко стоящим к делу стало известно, что академия во Владивостоке официально развернута не будет. Благодаря всей обстановке перевозки все имущество оказалось значительно попорченным и частью расхищенным, о чем говорят пустые, полупустые и разбитые ящики. По ночам его охраняли военнопленные, состоявшие, главным образом, из лиц германской интеллигенции, считавшие себя на положении войны с Россией, чему доказательством служили многочисленные факты умышленной порчи, уничтожения ими и кражи тех или иных вещей.

Бесмысленность, ненужность и преступность такого перетаскивания и порчи ценного государственного имущества ничем не оправдывалась, и было совершенно очевидным, но протестовать было некому и не перед кем...

В середине января разгрузка эшелонов была прекращена, и чины академии заговорили между собой о возможности скорой переправки имущества обратно в Харбин, в связи с внутренней политической обстановкой. Называли Дайрен, как пункт сосредоточения всей академии»²².

В 1921 г. проходило разбирательство обстоятельств порчи ящиков музеев академии²³, подтверждающее обоснованность вышеприведенных обвинений.

Часть служащих эвакуировалась из Томска в спешке, причем не для всех эвакуация прошла благополучно. У супруги Генштаба генерал-майора И. С. Свищева из вагона в 1920 г. были похищены вещи²⁴. У профессора М. А. Иностранцева 26 декабря 1919 г. по пути около станции Силиньхэ на КВЖД за 10 минут сгорело все имущество, в том числе ценная библиотека и деньги.²⁵ Сам

²² Там же. Л. 44 об — 45.

²³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 59.

²⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1662. Л. 12.

²⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 587–588.

Иностранцев с семьей, задыхаясь от дыма, едва успел выскочить из вагона. Чудом удалось спасти дочь, вытащенную без сознания. В итоге, как он сам писал генералу Н. Н. Головину 29 октября 1923 г.: «Во Владивостоке я оказался совершенно нищим»²⁶. Тем более, что жизнь в городе была сопряжена с дороговизной и голодом. Поселиться удалось в вагоне генерала А. П. Будберга²⁷. Не сложились у Иностранцева и отношения с Андогским (по версии Иностранцева, тот был обижен, поскольку Генштаба генерал-лейтенант Н. Н. Головин пригласил к себе генерал-квартирмейстером не его, а Иностранцева²⁸), в итоге Иностранцев был вынужден порвать с академией (с 17 марта 1920 г. в академии значился находящимся в безвестной отлучке, уволен в отставку 16 августа 1920 г., исключен из списков академии 29 августа²⁹) и уехать в Европу.

Некоторые служащие пользовались эвакуационной неразберихой. Например, прослуживший 30 лет в академии статский советник Ф. А. Мартынов получал продукты сверх положенного и в обход хозяйственной части эшелона, что вызвало недовольство Андогского, причем замечание Мартынову было опубликовано в приказе по академии № 209 от 23 декабря 1919 г.³⁰

С третьим эшелонам все оказалось сложнее. Казалось бы, переезд во Владивосток имел для академии благотворное значение, так как развал колчаковского Восточного фронта грозил безопасности уникального академического имущества, однако и с востока тоже шла революционная волна. Пока академия ехала во Владивосток, там 31 января 1920 г. произошел переворот, в результате которого власть перешла от генерала Розанова к временному социалистическому правительству Приморской областной земской управы во главе с А. С. Медведевым. Администрация академии (генералы Иностранцев и Киященко, полковник Осипов) укрылась в союзных миссиях. Генерал Антонович, назначенный незадолго до событий начальником штаба Приамурского военного округа, был на сутки арестован³¹. Заместитель начальника академии ординарный профессор А. И. Медведев рассчитывал на родственные связи с главой земского правительства Медведевым.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 22 об.

²⁷ Там же. Л. 141 об. — 142.

²⁸ Там же. Л. 22 об.

²⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 339.

³⁰ Там же. Л. 209 об.

³¹ Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири. Вып. 3. Кемерово, 2006. С. 402–403.

Академия оказалась разделена. Андогскому нужно было в очередной раз принимать нелегкое решение, с кем быть — с колчаковцами в Харбине и Чите или со своими подчиненными во Владивостоке. В связи с нестабильностью на Дальнем Востоке у начальника академии возникла идея выехать в Маньчжурию, где задержаться до выяснения обстановки. В этих целях была установлена связь с Верховным уполномоченным российского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом.

Вследствие политических катаклизмов третий эшелон академии около трех месяцев простоял в Харбине. Нахождение его в полосе отчуждения КВЖД подвергало российское имущество некоторому риску. Генерал Хорват издал приказ о расформировании в полосе КВЖД всех эвакуируемых учреждений, однако Андогскому удалось отстоять сохранение академии. Харбинские предприниматели (в частности, крупный чаеоторговец И. Ф. Чистяков) заявили о готовности за свой счет субсидировать академию. Работники академии провели регистрацию офицеров Генерального штаба и, собрав их достаточное количество, устроили объединенную конференцию.

Андогский предпринял попытку установить связь даже с белым Югом. 5 марта 1920 г. он составил рапорт генералу А. И. Деникину, в котором писал:

«Во исполнение повеления Верховного Правителя вверенная мне Военная академия в начале ноября 1919 года эвакуировалась из гор. Томска в гор. Владивосток.

В декабре 1919 г. 1^й и 2^й эшелоны прибыли во Владивосток. С ними было перевезено почти все имущество академии: вся ее военная библиотека, типография и склад учебных пособий. Из личного профессорско-преподавательского состава во Владивостоке находятся: ординарные профессора ген.-лейт. Медведев и ген.-м. Иностранцев и штатн<ый> преподаватель военных наук ген.-м. Антонович. Имущество перевезено на Русский Остров и расположено в отведенных казармах.

3^й эшелон академии, в котором перевозилась остальная часть имущества, конференция академии и канцелярия ее, в виду происшедшего во Владивостоке военно-политического переворота (31^е января с. г.) остался в Харбине.

В виду того, что народившаяся во Владивостоке земская власть постепенно из эсеровской переходит в большевистскую и одним из основных тезисов ее политической программы является соглаша-

тельство с советскою властью, — конференция академии постановила оставаться в Харбине, возложив попечение об охране имущества во Владивостоке на наличный там состав чинов академии.

Во Владивосток прибыл из Японии бывший в составе Уфимской Директории главверх ген.-лейт. Болдырев. Не входя пока в состав владивостокского правительства, он является весьма влиятельным в нем лицом и фактически руководит военным советом, который без него не принимает ни одного решения. Прорвавшийся из Владивостока в Харбин к <оманди>р академического полуэскадрона подполк. Вуич свидетельствует, что в разговоре с ним ген.-лейт. Болдырев указывал, что единственным выходом из создавшегося положения является соглашательство с советскою властью. Тех же воззрений держится находящийся во Владивостоке ген.-м. Иностранцев. Оба они принимают все меры к тому, чтобы не выпустить из Владивостока попавшее туда имущество академии.

Я принимаю все меры, чтобы при посредстве японского командования устроить вывоз из Владивостока имущества академии — первоначально в Харбин или какой-либо пункт Японии или Китая, а оттуда — по указанию Вашего Превосходительства. Однако пока, в виду осторожности и нерешительности японского командования, выжидающего выяснения, какая из народившихся русских властей одержит верх, — никаких реальных шагов добиться не удается.

По совокупности всех данных обстановки на Дальнем Востоке, мало вероятно ожидать в ближайшее время успеха в открытой борьбе с большевиками. Главная причина — усталость населения и жажда отдыха, а равно отсутствие власти, пользующейся его доверием. Нет и достаточной вооруженной силы; отошедшая в Забайкалье с ген. Войцеховским армия чрезвычайно устала и численностью не превышает 20 000 человек боевого состава. Удержаться в Забайкалье, она, видимо, не будет в состоянии, если только японцы эвакуируют оттуда свои войска. Решение же Японии не удастся выяснить определенно.

В полосе отчуждения Кит<айско->Вост<очной> ж<елезной> д<ороги> невозможно создать опоры и базы для возрождения вооруженной силы для борьбы с большевиками, как вследствие договорных отношений с Китаем, так и вследствие чрезмерной осторожности генерала Хорвата, не обладающего, кроме того, никакой реальной силой для поддержания своей здесь власти.

Неотложною задачею ближайшего времени является: сохранить для борьбы с большевиками остатки военной силы, бывшей на Восточном фронте и ныне стекающейся в полосу отчуждения

Кит<айско->Вост<очной> ж<елезной> д<ороги> и, в частности, в Харбин.

Видимо, большевизм временно захлестнет собою всю Дальневосточную Окраину, совершенно не испытывавшую всех ужасов большевистского режима, а потому целесообразно было бы остатки здешней военной силы (хотя бы Генеральный штаб и офицерство) вывезти на Юг России.

В Харбине находятся след<ующие> члены конференции Военной академии:

1) Н<ачальник> академии, ордин<арный> проф<ессор> ген.-майор Андогский.

2) Заслуж<енный> проф<ессор> ген.-лейт. Колюбакин.

3) Заслуж<енный> проф<ессор> ген.-лейт. Христиани.

4) Ордин<арный> проф<ессор> ген.-лейт. Филатьев.

5) Ордин<арный> проф<ессор>, воен<ный> инж<енер> ген.-майор Коханов.

6) Экстраордин<арный> проф<ессор> ген.-майор Ряби-ков.

7) Штатн<ый> препода<ватель> воен<ных> наук ген.-м. Касаткин.

8) Штатн<ый> препода<ватель> воен<ных> наук (арт<иллерии>) г.-м. Томашевский.

9) Штатн<ый> препода<ватель> в<оенных> н<аук> полк. Слижилов.

10) Штатн<ый> препода<ватель> в<оенных> н<аук> ген.-лейт. Сурин.

Сверх того, здесь находятся до 25 старых оф<ицеров> Генер. штаба и стекаются сюда до 200 слушателей старш<его> кл<асса> академии.

Прошу указаний, куда надлежит направить личный состав конференции академии и стекающихся в Харбин офицеров Генер. штаба, ибо применения им здесь, видимо, не будет найдено, а терять такие силы нельзя; а равно какие задачи намечаются и куда следует стремиться направить академию, если удастся вывезти из Владивостока имущество ее.

Дополнительное донесение надеюсь отправить вскоре с офицером Л.-гв. Петроградск<ого> п<олка> Булыгиным.

Все мы стремимся продолжать борьбу и ожидаем Ваших указаний». ³²

---

³² Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA). Vrangal Papers. Box 113. Folder 21.

Если верить этому документу, Андогский предполагал организовать очередное эпическое путешествие академии, теперь уже через Китай и Японию на Юг России. Очевидно, на быстрый ответ с Юга рассчитывать не приходилось. И если даже такой ответ был отправлен, он не мог повлиять на события, пережившие уже в апреле 1920 г.

Задержка в Харбине привела к тому, что некоторые служащие стали уходить из академии. Так, вр. и. д. помощника инструктора верховой езды и личный адъютант начальника академии штабс-ротмистр Рытов в январе 1920 г. перевелся с разрешения Андогского в охранную стражу КВЖД³³. В марте 1920 г. в Свято-Никольский храм Харбина с санкции Андогского перешел служить и протоиерей Иоанн Сторожев, исполнявший обязанности священника академии с 17 ноября 1919 г.³⁴

Однако документы свидетельствуют о том, что Андогский рассматривал различные варианты эвакуации академии. Помимо Юга России обсуждался вопрос отправки академии в Польшу — т. е. на территорию бывшей Российской империи. Однако у этой неоднозначной идеи нашлись противники. Ординарный профессор Д. В. Филатьев 18 марта отправил обширное и важное для истории академии письмо Б. М. Колюбакину, в котором писал:

«В качестве профессора академии и генерал-лейтенанта обращаюсь к Вам, как к старейшему профессору и старейшему же генерал-лейтенанту русской армии с просьбой, не найдете ли Вы возможным пересмотреть вопрос об эвакуации или эмиграции академии за французский счет в одну из славянских земель и в Польшу в особенности. С этой целью и в дополнение к тому, что очень бегло я сказал на собрании чинов академии 11 марта, позволю себе подробнее и систематически развить свои соображения, которые тогда, 11 марта, не встретили отклика.

1. Достаточно ли с этической стороны правомочны случайно оказавшиеся в Харбине 4–6 профессоров и 2–3 преподавателя именовать себя Конференцией академии и говорить от лица ее. Если признать за ними право говорить от лица всей академии, то такое же право нельзя будет отрицать от собрания, представленного Медведевым, Болдыревым, Иностранцевым и Антоновичем, сравнительный удельный вес научности которых, конечно, учитываем быть не может, но, несомненно, подкреп-

³³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 27.

³⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63. Л. 125.

ляется наличием при них библиотеки и имущества академии. Его, т. е. имущество, никто не может у них взять, иначе как силою, потому что в этом отношении харбинская группа никаких преимуществ перед владивостокской не имеет, наоборот, по принципу *beati possidentes*³⁵ они у последней. А если ей поставить в укор сотрудничество с враждебной нашей государственности партией, то ведь в пассиве всей харбинской группы имеется сотрудничество с еще более враждебной партией — большевистской.

2. Пока имущество академии остается во Владивостоке, ему решительно никакая опасность не грозит, ибо даже ярые большевики не уподобили себя султану Омару и не сожгли ни одной научной библиотеки. Уж если где есть опасность, то скорее от перевозки библиотеки вообще и морем в особенности.

3. Если библиотека не будет вывезена, а в этом сомневаться нельзя, то можно ли говорить (и брать на себя обязательства за одолжение и расходы) о спасении высоко культурного научного учреждения; речь должна идти о персональном спасении нескольких человек из числа бывшей Конференции академии и их семейств и при том спасении не от опасности, которой нет, а, может быть и не будет, а от возможности остаться без получения жалования, что испытало, испытывает и еще испытает огромное большинство бывшей нашей армии. Если это так, то тон и мотивировка просьбы к генералу Жанену не соответствует истинному положению вещей.

4. Из числа принявших решение обратиться к генералу Жанену и к полякам, кажется, один генерал Сурин знает, какой ужас творился в наших эшелонах, брошенных на расправу красным на всем пути от Омска до Красноярска. А ведь все эти эшелоны были брошены исключительно благодаря чехам и полякам, возглавлявшимся генералом Жаненом. Неужели же кровь убитых и замученных в эшелонах при посланных полураздетыми на Судженские и Черемховские копи офицеров, солдат, женщин и детей не отвратила Конференцию академии от того, чтобы обращаться с просьбой чисто личного характера к косвенному (Жанену) и прямым (полякам) участникам пролития этой крови и разгрома нашей государственной и частной собственности. Разве не знали участники совещания, что в то время, как все или почти все ехавшие из Омска в наших эшелонах потеряли все, что успели погрузить из жалких остатков своего имущества, чехи и поляки

---

³⁵ Счастливы владеющие (*лат.*).

везли целые поезда награбленного у нас добра, и их солдаты по 4 человека с русскими бабами и с пианино сидели в теплушках, тогда как наша интеллигенция с детьми ютилась по 20–25 человек на теплушку.

Спросите у бывшего министра путей сообщения Устругова, как держал себя представитель польского командования на последнем заседании у главнокомандующего Каппеля, заседании, устроенном не нами, а англичанами, чтобы помочь нам, и Вы тогда оцените чувство если не всех, то многих поляков, которым Вы собираетесь читать лекции в Варшаве.

Спросите у бывших в 18–19 годах во Франции, как нашим офицерам в форме кричали на улицах «*sale boche*»³⁶ и как обращаются там же с застрявшими во Франции нашими солдатами, и у Вас пропадет охота просить что-либо у французов.

Я уже говорил на собрании, как в мае—июне 1919 года в Варшаве ходили наши офицеры, спасшиеся из Киева, в валенках, папахах и в лохмотьях и не находилось ни государственного, ни благотворительного польского учреждения, чтобы помочь им. А сожженные и разграбленные поляками в Сибири села ничего Вам не говорят?

5. По словам генерала Андогского на собрании 11 марта, поляки обусловливают свою помощь академии признанием независимости Польши. Условие совершенно абсурдное, ибо сейчас нет и власти, которая могла бы удовлетворить их желание, которое, впрочем, было удовлетворено и Временным правительством и адмиралом Колчаком и большевиками. Но допустим, что они приняли бы академию и без гарантии независимости и взяли бы ее на содержание за то, чтобы просвещала офицеров их новой армии. Можете ли Вы поручиться, что подготовленные Вами польские офицеры не будут через 2–3 года сражаться с нами, когда поляки вспомнят Андрусовское и другие перемирия и пойдут брать Смоленск и Киев. Если это случится, в каком положении перед своей армией окажется тогда академия, взявшаяся учить противника по своему почину, а не так, как это бывает, когда роль учительницы, например, в отношении Болгарии, может повториться с любой славянской державой.

Наконец, Конференция в ее целом или отдельных ее членов может держаться какой угодно внешней политической ориентировки, не оказывая тем ни малейшего влияния на политику правительства. А что если в будущем это последнее по оконча-

---

³⁶ *Sale boche* (*фр.*) — грязный фриц (немец).

нии революции или еще в продолжение ее примет германскую ориентацию и двинет свою армию в Польшу, а немцы — в Чехию, Югославию, в каком тогда положении будут русские профессора, читающие лекции в одной из этих стран или просто живущие там на чужом иждивении. Придется с кафедры прямо в концентрационный лагерь переходить.

6. Я очень сожалею, что не присутствовал на том заседании, когда было решено направить делегацию к генералу Жанену, ибо я в согласии с генералом Рябиковым и, кажется, с генералом Суриным (с которым условливался в дороге), внес бы предложение о выражении генералу Жанену порицания, лишения его академического значка, данного Конференцией, и о сообщении об этом во французскую академию и нашим бывшим союзникам за все им содеянное и за адмирала Колчака в особенности, которого он должен был отстаивать перед подчиненными ему чехами, хотя бы угрозой, что они доберутся до того лишь через его труп; вместо этого он умыл руки, уехав в Верхнеудинск.

Конечно, по недоразумению Вы возражали мне, что главнокомандующий должен находиться в тылу. Это ведь правило касается театра военных действий и не может относиться к начальнику войск, сидящих в эшелонах и грабящих и насилующих страну, по которой идут.

Если академия так предупредительно благодарила особой делегацией генерала Жанена за проезд одного генерала Сурина в чешских и французских эшелонах, то еще с большим правом она (если бы не искала повода завязать дружеские переговоры) обязана была обратиться хотя бы с выражением удивления по поводу того, что чехи и французы безжалостно выбрасывали из своих эшелонов приютившихся у них, как у так называемых союзников, сотни наших офицеров, из коих многие прямо из эшелона попадали на расстрел.

7. В переживаемое нами бесконечно тяжелое время, когда нервы напряжены до крайности, воля и жажда борьбы ослабели, а страх за завтрашний день растет, кресцендно³⁷, было бы тяжелым грехом укорять отдельных лиц за приспособляемость и за то, что некоторые не устаивают и идут на компромиссы. Но такой взгляд, по-моему, не приложим к учреждениям, особенно могущим претендовать на авторитетность, как, например, наша академия. А, между тем, начиная с 1917 года, она только и делает, что приспособляется и живет компромиссами. Началось

---

³⁷ Кресцендно (от лат. искаж. *crescendo*) — увеличиваясь.

это с беспричинного увольнения от должности Петерса³⁸. Потом явился раут с приглашенными на него Крапоткиным, Церетели, Авксентьевым и другими проходимцами господствовавшей тогда партии, которых, конечно, не могло нейтрализовать присутствие Родзянки. Значительная компромиссность была выявлена академией при первых выборах, которые, наверное, не послужат добрым примером в будущем, а апогея приспособляемости достигла при большевиках. Тогда прямой ход был сложить имущество в ящики и закрыть академию по случаю прекращения существования армии, а учебному персоналу идти на частные места или торговать газетами. Вместо этого был выдвинут компромисс о необходимости спасти для будущей армии и дела 200–300 офицеров и началось искание по России дешевого хлеба и хороших квартир. Этот компромисс и привел к тому, что, хотя и недолго, а все же всему здешнему составу профессоров академии пришлось читать лекции или иметь дело с лохматыми красноармейцами — коммунистами, да и сейчас эти лекции и продолжались бы в Москве, если бы не выручил в Казани случайный успех чехов. Этот успех академия, имевшая в своем составе многих их бывших на германской войне командирами полков, могла бы использовать по-другому, чем сделала, отправившись в круговой маршрут на Екатеринбург. Может тогда и не пришлось бы впоследствии продолжать путешествие до Владивостока, ища все время только почвы для насаждения военного образования. Менялись у власти лица и партии, но академия своей позиции приспособлявания не меняла, и даже теперь, когда ехать по русской территории стало некуда, и обучать тоже некого, академия нашла выход: и ехать куда угодно и обучать кого угодно. Такой страсти в своем целом составе к передвижению не обнаруживало за время революции ни одно учреждение, почему на заседании 11 марта я и позволил себе сравнить академию с блуждающей почкой. Но и теперь по достаточном размышлении я не могу отказаться от этих слов, как и от других мною сказанных, что действительной ценностью академии является ее библиотека, а не личный состав с тех пор, как он рассыпался по всей России: кто у Деникина, кто в Советской, кто в Лондоне, на Маниле, во Владивостоке, в Харбине. Ведь не принимались же меры к тому, чтобы вывезти, например, из Петрограда Байова, Елчанинова и других, хотя бы через датский Красный Крест, почему же теперь харбинская группа считает себя вправе начинать переговоры с иностранными

---

³⁸ Начальника академии, предшественника Андогского.

государствами, даже не спрашивая об этом свою государственную власть, на которую, тем не менее, некоторые обязательства своими переговорами накладывает. И почему бы академии не подождать решения вопроса об эмиграции для всей армии, к составу которой она принадлежит, и зачем спешить поступать на чужое содержание, даже возможных будущих врагов, когда можно еще жить на своем; я вполне понимаю, что можно прийти до такого состояния духа, когда будешь говорить, как один говорил 11 марта, что если все пойдут в Канаду, то он в Аргентину, а если все в Аргентину, то он пойдет в Канаду. Но такое настроение, казалось бы, допустимо для отдельных лиц, но не для целого учреждения, никогда автономным не бывшего. А что касается до допущения, что французы могут вывезти академию и к Деникину, то едва ли в осуществимость его верят и желают и сами говорившие об этом.

8. На заседании 11 марта я плохо усвоил себе, кто предлагает вместе с академией вывезти и офицеров Генерального штаба, т. е. генерал Жанен или сама академия. Думается, однако, что чья бы ни была тут инициатива, она все же неудачна. Если академия уедет до возможного нашего краха, то отъезд офицеров Генерального штаба, состоящих на должностях, недопустим, а, если после краха, то такой привилегированный отъезд произведет удручающее впечатление на остальных офицеров, увидящих, что Генеральный штаб в своей массе не желает разделить общую участь, как делил ее тогда, когда сепаратно податься ему было некуда. В данном случае уж лучше академии продолжать приспосабливаться в одиночку, не увлекая за собою других.

Все вышеприведенное я Вам изложил вовсе не для полемики и не для того, чтобы наговорить неприятных слов (все равно рано или поздно их скажут другие и в более резкой форме), а исключительно с целью, чтобы мне или веско (без софизмов 11 марта) указали, что я заблуждаюсь и тогда я тотчас же уйду навсегда из академии, чем заглажу свою вину или же согласились бы со мной и уведомили ген. Жанена и поляков, что просьбу свою берете обратно. Я считаю последнее важным не только с принципиальной стороны, но также и с практической: все равно ведь французы за свой счет не повезут, тем менее поляки, следовательно, известного рода унижение, которое Вы на себя уже приняли, явится бесполезным.

Вместе с тем, я от души желаю, чтобы всем желающим уехать это удалось наилучшим образом, но академии как учреждению, я продолжаю думать, не довлеет ставить себе штемпель там, где

от этого не может произойти ничего иного, кроме ущерба нашему национальному и военному самолюбию».³⁹

Письмо Филатьева проникнуто глубокими переживаниями за судьбу родины и академии. Последняя рисковала оказаться во враждебных национальным интересам России руках — например у поляков. Письмо содержало справедливые и, во многом, пророческие суждения — например, о русских эмигрантах, оказавшихся между СССР и нацистской Германией, которым в случае войны придется отправиться в концлагеря. Филатьев осудил политику компромиссов, проводившуюся академическим начальством на протяжении 1917–1920 гг. По его мнению, лучше было бы вовсе закрыть академию с демобилизацией старой армии. В принципе, такой вариант развития событий был возможен. Однако Филатьев не учел сложности и неоднозначности обстановки начала 1918 г., обязательств академии по подготовке ранее набранных слушателей ускоренных курсов, а также возможных препятствий к закрытию академии со стороны руководства Советской России.

Филатьев считал, что ценной в академии является только ее библиотека, тогда как в остальном учреждение утратило свое значение. В то же время генерал не учитывал тот факт, что в составе учреждения с развитой инфраструктурой, собственными запасами имущества, при наличии высокого авторитета в военной элите антибольшевистского лагеря академии и ее сотрудникам было гораздо проще выжить в катастрофических условиях всеобщей разрухи и Гражданской войны. Осуждая курс руководства академии, Филатьев не предлагал реальной альтернативы тем самым компромиссам, лавированию и приспособленчеству, которыми отличался начальник академии Андогский, но которые при кажущейся беспринципности таких действий, тем не менее, позволили академии пережить русское лихолетье практически безболезненно и сохранить себя для будущей России. Как бы то ни было, ни польский, ни французский вариант эвакуации академии не осуществились. Национального унижения не произошло.

О харбинском периоде истории академии известно немного. Есть сведения о том, что начальник академии генерал А. И. Андогский сотрудничал с харбинской газетой «Свет». Из Харбина

---

³⁹ Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhmeteff Archive, Columbia university, BAR). Anton Ivanovich and Kseniia Vasil'evna Denikin papers. Box 22.

Андогский вместе с генералом П. Ф. Рябиковым по поручению атамана Г. М. Семенова (по другим документам, по решению конференции академии) ездил в Пекин, где встречался с русским послом, князем Н. А. Кудашевым. По косвенным данным, среди прочего в условиях политической нестабильности в Приморье обсуждалась возможность эвакуации академии в Японию. Рябиков же ездил для установления через военного агента в Китае связи с агентами в Европе, а затем уехал в Японию. Недруги Андогского, наоборот, заявляли, что он жаждал отправиться во Владивосток и даже инициировал вызов туда и телеграмму о том, что неприбытие академии грозит ее начальнику смертной казнью⁴⁰. На самом деле документы не свидетельствуют, что речь шла об инициативе Андогского.

Задержка в Харбине повлекла определенные материальные затруднения, вызвав недовольство и протесты низших служащих академии и рабочих академической типографии. Рабочие и служащие провели общее собрание, на котором избрали особую комиссию уполномоченных третьего эшелона в составе трех работников типографии: бухгалтера Н. А. Гущина, корректора А. К. Заколупина и фактора А. Ф. Баранулько для составления докладной записки начальнику академии по вопросу отправки во Владивосток, где уже было их имущество⁴¹. Альтернативным решением было возвращение из Владивостока первых двух эшелонов академии. Рабочие постановили отправить делегацию в Приморье.

Андогский поддерживал связь с оказавшимися во Владивостоке сотрудниками и распорядился продолжать разгрузку эшелонов, что намечалось с 6–7 марта. Таким образом, он, видимо, хотел воспрепятствовать возврату эшелонов. Один из лидеров рабочих и служащих академии, Б. М. Чудинов⁴², связался с при-

---

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 56 об.

⁴¹ Н. А. Гущин еще в 1917 г. состоял в академическом комитете, комитетом академии он был делегирован в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 198), А. Ф. Баранулько происходил из деревни Пятигорск Лепельского уезда Витебской губернии, в Первую мировую войну был ратником ополчения (Там же. Л. 421). А. К. Заколупин был прикомандированным к академической типографии солдатом. По данным на 1918 г. служил в 1-м авто-броневом отряде ВЦИК (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1614. Л. 53, 55).

⁴² Б. М. Чудинов родился 15 марта 1892 г. в селе Ильинском Пермской губернии. В академии работал с 1 октября 1918 г. служащим библиотеки (РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 63. Л. 138–139).

морскими большевиками, в т. ч. с С. Г. Лазо, и добился приказа о приостановке разгрузки в связи с угрозой захвата академии японцами при невозможности ее быстрой эвакуации с Русского острова. Рабочие выступали за отправку академии в Амурскую область. 6 марта неразгруженный эшелон академии, несмотря на препятствия академического генералитета, был переведен со станции Эгершельд на станцию Первая речка.

Во второй половине марта Б. М. Чудинов обратился к видному большевику П. С. Парфенову с докладной запиской о реакционных замыслах руководства академии и просил назначить в академию политического уполномоченного, которым стал Н. П. Дагаев. После этого требования отправить третий эшелон во Владивосток стали звучать громче.

Андогский был готов в качестве компромисса отпустить типографских рабочих, куда они хотят. Однако отправке третьего эшелона во Владивосток противилась конференция академии. Особенно усердствовал правитель дел Слижииков. Поняв, что удержать от отправки во Владивосток эшелон не удастся, он заявил, что нужно дождаться возвращения Андогского в Харбин, ожидавшегося 25 марта⁴³. Опасаясь самоуправства рабочих, временно руководивший академией генерал Колюбакин запретил начальнику станции Харбин отправлять эшелон без его разрешения⁴⁴.

Пребывание академии во Владивостоке имело как плюсы, так и минусы. С одной стороны, на Русском острове академия могла быть удобно и сравнительно безопасно размещена. С другой стороны, положение Владивостока, в отличие от Харбина, не было стабильным, частые смены режимов не способствовали спокойной атмосфере, необходимой для академической работы и учебы. Но в целом академическое имущество сохранялось в этот период относительно успешно, а типография могла функционировать.

По возвращении в Харбин Андогский стал готовить переезд последнего эшелона во Владивосток, запланированный еще осенью 1919 г. Представителю газеты «Свет» он объяснил необходимость отъезда безнадежностью положения атамана Г. М. Семенова, решением профессоров академии и требованиями наборщиков академической типографии⁴⁵. Якобы Андогский даже объявил о переходе на сторону советской власти.

---

⁴³ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 53 об.

На не вполне ясные обстоятельства истории академии того периода проливают свет дневниковые записи Генштаба генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева, находившегося во Владивостоке. По свидетельству Болдырева, на 8 февраля 1920 г. в академии «никаких слушателей не оказалось, а из профессуры только старый А. И. Медведев. Начальник Академии генерал Андогский с хозяйственной частью и деньгами задержался в Харбине. Решено его оттуда извлечь»⁴⁶. 11 февраля Болдырев записал: «Обсуждали судьбу Военной академии. Сюда докатилось только имущество академии и вся библиотека. Материальную и научную ценность последней и определить трудно»⁴⁷. 14 февраля Болдырев отметил, что послана телеграмма о прибытии эшелонов академии из Харбина во Владивосток. По его наблюдению, «кое-кто из здешних академистов полагает, что ген. Андогский воздержится от поездки во Владивосток. При установлении здесь советской власти ему могут указать, что служба у Колчака не вяжется с его прежним званием начальника Красной академии. Уверяют, что у Андогского есть хвост и в Харбине. Интересно — дотягивается ли этот хвост до Читы. Во всяком случае здешние академисты явно тяготеют к Харбину и только старик Медведев (профессор статистик) прочно осел на Русском острове»⁴⁸.

Командующий сухопутными и морскими силами Приморской области эсер А. А. Краковецкий 22 марта телеграфировал Медведеву с копией Андогскому: «Приказываю весь состав Академии перевести <во> Владивосток. Неисполнение приказа будет караться по закону военного времени»⁴⁹. Андогский тогда находился в Пекине, а железная дорога бастовала. По всей видимости, у начальника академии уже не было выбора, так как большая часть вверенного ему учреждения находилась во Владивостоке. В итоге около 27 марта последний эшелон академии отправился во Владивосток, куда прибыл 30 марта, остановившись на станции Владивосток. В эшелоне ехали 70 служащих академии и члены их семей⁵⁰.

Владивостокские власти имели свои виды на академию. 23 марта Краковецкий приказал профессору Медведеву остано-

---

⁴⁶ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925. С. 309.

⁴⁷ Там же. С. 310. Опущены слова: «Конечно, страшно за него» (имущество) (Там же. С. 552).

⁴⁸ Там же. С. 312.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 4. Л. 37 об.

вить разгрузку эшелонов академии, а неразгруженные вагоны отправить в Благовещенск с представителем академии, приготовив выгруженное имущество к отправке. Далее академию предлагалось отправить в центр России. Типографию академии предполагалось оставить во Владивостоке.

Правитель дел владивостокской части академии генерал А. Т. Антонович, не понимая смысла этих распоряжений, записал в дневнике:

«Чем вызвана эвакуация? Общим ли политическим положением, т. е. возможностью оккупации Приморской области японцами? Или принятая мера — репрессия по отношению к Академии за сидящих в бесте⁵¹ в Харбине? Если учесть все слухи о возможности и вероятности оккупации японцами, наблюдаемое их безостановочное усиление и увеличение вооруженных сил в области, слухи об эвакуации других учреждений, то вывод, пожалуй, один — спасайтесь от японцев. Предположение подтверждается только что услышанным мною от офицера: напряженность в центральных военных учреждениях, изменчивость принимаемых решений. Например, была заготовлена телеграмма о разгрузке академических вагонов и отправка их для этого на Эгершельд, и вдруг — изменение: послана телеграмма об эвакуации. Обстановка запутанная. Центральная советская власть стремится избежать вооруженного столкновения, указывает разрешить вопрос мирным путем. С этим солидарна и местная власть. Но партизаны — главная вооруженная сила — жаждут крови и держат себя вызывающе. По-видимому, мы близки к новым событиям, но не внутреннего характера, а к тем, которые несут колоссальный ущерб России; событиям, последствием которых будет потеря Россией Приморской области. Японцы начинают шевелиться»⁵².

Понимая, что бессмысленные переезды угрожают разбазариванием или гибелью бесценных собраний академии, в дело вмешался экстраординарный профессор академии В. Г. Болдырев. 24 марта он направил Краковецкому весьма срочное послание, в котором писал:

«В виду предположения о перемещении академии Генерального штаба, ныне находящейся во Владивостоке, на Русском ос-

---

⁵¹ Бест — укрытие, убежище.

⁵² Дневник генерала Антоновича. С. 405-406.

трове, как один из профессоров академии, считаю непременно долгом высказать нижеследующие соображения:

1. Библиотека академии в связи с обширным складом учебных пособий представляется огромной ценностью и редким национальным имуществом России, а посему сохранение его в целости является долгом той власти, на территории которой это имущество осталось.

2. В настоящее время имущество это, за исключением части его, находящейся в Харбине, находится на Русском острове в отличных помещениях, гарантирующих его от порчи и расхищения. При имуществе этом имеется часть учебно-административного состава, располагающего средствами, как по охране этого имущества, так и по непрерывному учету.

3. Всякое передвижение сопряжено с неизменной порчей упаковки, а учитывая современные средства транспорта, особенно при движении по Амурской дороге, можно предполагать возможность приостановки этого имущества где-либо в пути, негарантированной от всяких случайностей, угрожающей (так в документе. — А. Г.) целости имущества.

4. Перемещение академии в Хабаровск или особенно в Благовещенск диктуется, видимо, опасением захвата академии при возможности политических осложнений, при чем указывается, что с академией может быть произойдет то же, что и с Военно-топографическим отделом в Хабаровске. Аналогия не вполне правильная. Имущество Военно-топографического отдела, топографические принадлежности <имеют> исключительно военное значение; захват его не только передает в руки захвативших его б<ольшей> ч<астью> секретный военный материал, но и лишает нас весьма ценного пособия в деле обороны нашей охраны (страны), т. е. ослабляет нашу боеспособность. Ничего подобного не представляет имущество академии. Весьма ценные книги и даже пособия в большинстве являются достоянием военных академий всех держав. Часть книг, конечно, представляется ее библиографической редкостью и похищение их являлось бы простым грабежом ценных, но не имеющих значения в военном отношении предметов; что едва ли допустимо.

5. Наиболее целесообразным было бы временно оставить академию здесь, при первой возможности перебросить ее в Иркутск и далее в Петроград, что, конечно, легче сделать через Харбин, воспользовавшись в крайнем случае Чешскими отправлениями в Забайкалье до Верхнеудинска, чем загонять ее на Амурскую дорогу при крайне слабой прово<зо>способности этой дороги.

6. Новая перевозка академии, ныне находящейся на Русском острове, кроме неизбежной порчи имущества, будет стоить и огромных непроизводительных расходов.

7. Безопасность временного оставления академии во Владивостоке в крайнем случае гарантируется от посягательств со стороны наличием здесь иностранного консульского корпуса.

В виду изложенного полагал бы настоятельно необходимым оставить академию в ныне занимаемых вполне удобных и гарантирующих от порчи помещений (в документе несогласованно — помещений — *А. Г.*) на Русском Острове»⁵³.

В связи с подготовкой отправки академии в Благовещенск приказом сухопутным и морским силам Приморской области от 31 марта 1920 г. была назначена комиссия для проверки имущества академии под председательством П. С. Парфенова, в составе Н. П. Дагаева, Н. А. Гущина и Б. М. Чудинова. Двое последних, как видим, играли определенную роль в академии в качестве неформальных лидеров ее низших служащих и антагонистов начальства. Проверки должны были пройти на Русском острове, где разместились академия, и на железнодорожной станции Первая речка, где стояли эшелоны академии и неразгруженное имущество.

Детальной проверки решено было не проводить, ограничившись в связи с реэвакуацией академии проверкой при выгрузке из зданий Русского острова, при обнаружении повреждений и исчезновения имущества предполагалось составлять акты. В приказе содержалось и оскорбительное для персонала академии требование проверить частное имущество эшелонов академии на предмет наличия государственного имущества⁵⁴. Члены комиссии воспринимали академическое начальство как приспособленцев и относились к нему отрицательно.

По свидетельству А. Т. Антоновича, «академия треплется как ладья в открытом море; переживает четвертую эвакуацию. Но эта, четвертая, хуже других: состав внутри нее раскололся, часть — в Харбине, что-то предпринимает и плетет, часть — здесь действует открыто, безо всякой дипломатии, по национальной совести. Если учесть все, что слышал сегодня, 24 марта, т. е. о возможности оккупации и о совместных действиях Японии и Польши, то с уверенностью можно сказать: ответа

⁵³ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 26–26 об.

⁵⁴ Там же. Л. 29-30.

от А. И. Андогского не будет, а если они все на свободе, будут выжидать в расчете соединиться с имуществом здесь, во Владивостоке.

Что же дальше? Неужели ценное государственное академическое имущество, имеющее историческое значение, попадет в руки японцев? Вопрос чрезвычайно усложняется. Думаю, что выход теперь один — подготовить международный фланг, сдать имущество под охрану международной комиссии и, так сказать, нейтрализовать положение. Если, не дай Бог, случится оккупация Японии, мы — преступники перед родиной, не сумевшие сберечь ее достояние. Жаль, очень жаль, что нет у нас единения, крепкой спайки. Харбинцы ничего определенного не говорили, отделялись общими фразами и только требовали от нас ориентировки. Говорили, что им виднее. Да, может быть, они правы, но зачем держали нас во тьме? Все, что случится скверного, будет на их совести»⁵⁵. Таким образом, Антонович, видимо выражавший мнение всего преподавательского состава, попавшего во Владивосток, был патриотически настроен и стремился не допустить захвата академии японцами.

Академическое начальство не хотело ехать из Владивостока в Амурскую область и саботировало это распоряжение. В докладе Парфенова Военному совету Временного правительства об имуществе академии от 4 апреля 1920 г. было отмечено, что в 1918 г. эвакуация академии из Петрограда не вызывалась текущим моментом, а была следствием обмана Андогским и Иностранцевым советской власти, что, конечно, не соответствовало действительности. По мнению Парфенова, «в действительности же, будучи в курсе всех дел контрреволюционеров, Андогский и др. действовали в данном случае с заранее обдуманном намерением, имея в виду скорое начало чехословацкого и белогвардейского выступления в Сибири»⁵⁶. Парадокс отношения властей к академии заключался в том, что белые обвиняли ее сотрудников во главе с Андогским в большевизме, а красные и «розовые» — в том, что они были белогвардейцами и контрреволюционерами. В этой, казалось бы, безвыходной ситуации только административные и организаторские способности Андогского и его окружения спасли академию от репрессий и разгрома высокоморальными блюстителями абстрактной «чистоты риз».

---

⁵⁵ Дневник генерала Антоновича. С. 406–407.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

3 апреля Болдырев записал: «Прибыли эшелоны Военной академии из Харбина. Начальник академии генерал Андогский приезжал приглашать на конференцию академии. На рукаве у него большая красная звезда. Жаловался, что политический уполномоченный при Краковецком требует немедленного отправления академии в Благовещенск, объясняет это интригами младших служащих»⁵⁷.

Военный совет, вероятно ознакомившись с докладом Парфенова, распорядился о реэвакуации академии в центр Советской России, а первоначально на Благовещенск. Академия, в которой не велось занятий, на Дальнем Востоке находилась в сокращенном составе, имея только административную, учебную и санитарную часть. Генерал Болдырев считал необходимым 20 старослужащих академии вооружить винтовками и оставить охранять имущество академии⁵⁸. Неопределенные метания авторитетного высшего военно-учебного заведения вызывали неудовольствие властей. В итоге был подготовлен проект приказа по военному и морскому ведомству, содержавший постановление Военного совета о расформировании академии. Офицеров по расформировании предполагалось зачислить в резерв чинов штаба войск впредь до откомандирования в воинские части. Преподавателей планировалось отправить в Москву, в распоряжение академии Генштаба РККА. Имущество также подлежало отправке в Москву, а типография — в Благовещенск. На выдачу содержания служащим академии и нужды ликвидационной комиссии должно было быть выдано 3 млн руб. 3 апреля документ был отправлен в Политбюро на утверждение.

3 апреля в академии прошло совещание по вопросу о дальнейших действиях. Важное свидетельство о нем, раскрывающее позицию академического руководства в то время, оставил А. Т. Антонович:

«Стоит отметить также состоявшийся в субботу в вагоне начальника Академии обмен мнений по текущему моменту. Переговоры А. И. Андогского с политическим уполномоченным Командующего войсками привели к следующему: библиотека и типография отправляются под руководством бывшего подьесаула Голорыбова с участием Гущина и третьего лица (фамилию не помню) в Советскую Россию через Благовещенск. Весь личный состав остается здесь, во Владивостоке, на усиление; занимаемые

⁵⁷ Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 330.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

в Академии должности сохраняются за чинами Академии; активные работники будут получать содержание полностью, а пассивные — 80 %.

После этой информации, сделанной А. И. Андогским, обменялись взглядами; за исключением одного все пришли к заключению, что нужно выявить русское лицо и перестать скитаться по белу свету. Из слов сидевших в Харбине, я вынес впечатление, что там мечтали целым учреждением выехать куда-то за пределы России. Была такая фраза: "Нужно поставить крест на возможности уехать целым учреждением". Со слов другого члена конференции стало ясно, что обращались за помощью к французам. В конце заседания А. И. Андогский просил участников конференции письменно высказать свое политическое кредо и предоставить ему в 14 час. следующего дня, и мы разошлись. Однако странный результат: кроме меня никто не представил. Я написал, что стою на платформе Приморского областного земства. Хочу объяснить такой поступок членов недостатком внимания.

Отрадно, что национальное чувство восторжествовало, искренне или по безысходности положения, но восторжествовало. Я возвращался удовлетворенный таким результатом, тем более, что в национальном духе говорили лица, от которых трудно было <этого> ожидать. На заседании присутствовали:

засл<уженный> проф<ессор>, ген<ерал>-лейтенант Колубакин Борис Михайлович,

засл<уженный> проф<ессор>, ген<ерал>-лейтенант Христиани Григорий Григорьевич,

ординарный проф<ессор>, нач<альник> академии Андогский Александр Иванович,

ординарный проф<ессор>, ген<ерал>-майор Коханов Николай Иванович,

шт<атный> преподаватель, ген<ерал>-майор Сурин Виктор⁵⁹ Ильич,

шт<атный> преподаватель, полковник Слижиков Аркадий Павлович и я. Отсутствовали экс<тра>орд<инарный> проф<ессор> Болдырев (которому <была> послана записка с извещением о конференции), видимо, не пришедший за недостатком времени, и ординарный проф<ессор> Иностранцев Мих<аил> Алекс<андрович>, подавший в отставку и нахо-

---

⁵⁹ В документе ошибочно — Викентий. Далее неточности в именах упоминаемых в цитатах лиц исправляются без оговорок.

дящийся пока во Владивостоке. На этом же заседании академии объявили о решении правительства отчислить из академии отсутствующих больше месяца. И такой финал академических скитаний получился, с моей точки зрения, из-за несвоевременного прибытия во Владивосток из Харбина. Это мнение и было высказано мною за завтраком у А. И. Андогского 5 апреля Аркадию Павл<овичу> <Слижикову> и Ал<ександру> Ив<ановичу> <Андогскому>, хотя они не разделяют моего мнения, считая (говорил Ал<ександр> Ив<анович>), что Харбин — центр, в котором сосредотачивается вся международная информация и потому они должны были быть там; но, тем не менее, я остаюсь при своем мнении. Академия как учебное заведение должна быть аполитична и члены ее не должны делать политику; во-вторых, если согласиться с необходимостью иметь международную информацию, то это можно было бы сделать иначе — оставить специалиста-информатора, а всем уехать во Владивосток, тем более, что власть была приемлемая, с платформой которой, как показало совещание в субботу, все не только мирятся, но и соглашаются. Что же в таком случае удерживало?... Пусть ответ остается при тех, кто там сидел и кто уехал; думаю, что громко им не совсем удобно высказываться. Не этот ли ответ заставил замолчать, когда на заданный мне вопрос, почему я не приехал в Харбин информировать? — я ответил: во-первых, потому, что впечатления слишком субъективны, и я не считал себя вправе, чтобы по моей ориентировке принимались решения, а тем более после предупреждения А. И. <Андогского>, что решения очень важны; во-вторых, не желал, считал, что, если сидят в Харбине и не хотят рисковать собою ради учреждения, то естественно, я не должен рисковать собою ради личной безопасности сидящих там лиц. Правда, Арк<адий> Павл<ович> <Слижиков> заметил, что в Харбине был личный состав во главе с начальником академии; на что я ответил, что он, Арк<адий> Павл<ович>, должен был приехать, а не сидеть и напиваться «международной информацией». «Почему ты сейчас сидишь здесь, а не поехал на Русский остров?» — Ответа не получил.

После такого обмена мнениями А. И.⁶⁰ расстался со мной, как мне показалось, холодно. Я не считаю вправе скрывать то ужасное чувство, которое испытывал и которое оставило неприятный

---

⁶⁰ Андогский.

осадок на душе после пережитого за время сидения третьего эшелона академии в Харбине. По-моему, это «сидение» оголило каждого в данный момент, раскрыло зловонные язвы; ни корректного начала, ни человечности в нынешних людях нет.

Наболевшее искало выхода, и я высказал его тем, кто обязан был не заставлять нас, сидящих здесь, во Владивостоке, переживать. Мы были русскими, чуждыми узурпации власти и сепаратизма, в чем нас заподозрили; заботились об общем и целом и принимали удар из-за тех, кто в это время искал «международной информации» для каких-то высших для нас, маленьких людей, непонятных целей. Не эти ли стремления к получению широкой ориентировки «международного характера» вынудили некоторых членов конференции торопливо уехать за пределы России?... Не лучше ли без высших соображений, а просто, чисто и искренне уметь отвечать за свою прежнюю деятельность, если этого потребуют. Христос учил, но от своего учения не отрекся и, не колеблясь, принял смерть мученика. Первые христиане умирали за идею, потому что служили ей и верили ей, но ничему и никому другому. Мы же, желая быть руководителями, бежим, как только почувствуем личную опасность. Не уважение, а презрение вызывают такие люди. Мы хотим, чтобы простой мужик уразумел идею государственности и умирал за нее, сами же безапелляционно сдаем свои позиции и бежим под защиту... кого? Тех, кто грабил русский народ. Да, после этого мы не смеем рассчитывать не только на любовь низшей братии, но даже на снисхождение. Обмельчал человек, утратил моральную упругость и легко входит в сделку с совестью.

Не я один так мыслю. На совещании нашлись единомышленники мои, в этом я не одинок...»⁶¹.

От возвращения в Советскую Россию академию спасло лишь резкое обострение военно-политической ситуации в Приморье. Приезд Андогского во Владивосток почти совпал с японским вооруженным выступлением 4–5 апреля 1920 г. Для противодействия японцам в академию из Инструкторской школы были присланы винтовки и патроны⁶², однако до боев не дошло, и оружие по требованию японцев было сдано. В результате этих событий Андогскому пришлось снять красную звезду, а вопрос о реэвакуации отпал. Якобы японцы пытались в ночь на 5 апреля захватить эшелон академии на станции Первая речка. Избежать захвата

---

⁶¹ Дневник генерала Антоновича. С. 415-418.

⁶² Там же. С. 414.

помогло обращение профессора Медведева к чехословацкому командующему С. Чечеку с просьбой взять имущество академии под международную охрану. Чехи выставили караул у библиотеки, не позволив захватить ее японцам⁶³.

В период выступления японцев оппоненты Андогского затаились. По свидетельству А. Т. Антоновича, «в третьем эшелоне все благополучно, если не считать скрывшихся демократических деятелей Военной академии, бухгалтера типографии Гущина и служащего в ней Заколушина. Эти люди оказались храбрыми только со своими, но остаться после прихода японцев гражданского мужества не хватило; словом — великие люди, но малые дела»⁶⁴.

После событий 4–5 апреля русская военная власть в Приморье перешла к представителям академии. Экстраординарный профессор академии генерал Болдырев с 7 апреля стал командующим сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока, а его начальником штаба 13 апреля стал штатный преподаватель академии генерал Антонович.

22 апреля был издан приказ по академии с копией приказа сухопутным и морским силам Временного правительства Дальнего Востока, в котором предписывалось: «Впредь до отправления российской военной академии к месту постоянного квартирования в Петроград, — сосредоточить и разместить распоряжением начальника академии все имущество ее и личный состав на Русском острове в отведенных для академии помещениях в районах 3-го крепостного артиллерийского, 33-го и 36-го <Сибирских стрелковых> полков и Инструкторской школы»⁶⁵. Поскольку академия «не будет функционировать по прямому своему назначению», ее состав предполагалось использовать для работы в правительственных учреждениях, а штат вольнонаемных должен был быть сокращен.

Младший персонал академической типографии продолжал будировать и после выступления японцев, требуя отправки в Советскую Россию, хотя бы морским путем⁶⁶. Н. А. Гущин, Б. М. Чудинов и А. К. Заколупин в этом ключе 20 апреля составили доклад на имя уполномоченного Советского правительства на Дальнем Востоке В. Д. Виленского-Сибирякова, обещая свое полное содействие.

---

⁶³ Там же

⁶⁴ Там же. С. 410.

⁶⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 268.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

Судьба имущества академии по-прежнему оставалась неопределенной. По некоторым данным, только внимательность переплетчика академической типографии Г. И. Медниса спасла имущество от разграбления чехословаками, которые использовали на растопку стулья, табуреты и даже наборные доски типографии. Часть неразгруженного имущества оставалась в вагонах, загнанных в пятый тупик шестнадцатого причала во Владивостоке. Продолжавшие борьбу с начальством Баранулько и Гущин даже ездили в командировку для обследования академического имущества. Здания, в которых разместилась академия, находились в крайне запущенном состоянии, во многие окна нужно было вставлять стекла, требовалось убирать мусорные ямы, проводить телефон, приобретать инструмент. К тому же академия расквартировывалась в трех районах, отделенных друг от друга на несколько верст⁶⁷.

Имущество академии весной—летом 1920 г. было перевезено на Русский остров. Разгрузка 35 вагонов обошлась академии в 41 670 руб. Разгрузка из барж стоила еще 11 900 руб.⁶⁸ По данным на июнь 1920 г., имущество 2-го эшелона академии на станции Первая речка и Владивосток охраняли чехословацкие солдаты 9-го Карла Гавличека Боровского полка. Суточный расход на 7 караульных составлял 2 583 руб.⁶⁹

После переезда на Русский остров в наступление перешло академическое начальство. Чудинов был уволен «за сокращением штата». 20 ноября 1920 г. «за непристойное поведение в отношении личного состава администрации военной академии» был уволен бухгалтер типографии Гущин⁷⁰. Всколыхнувшую академическое «болото» типографию передали в штаб войск.

---

⁶⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 45 об.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1980. Л. 2.

⁷⁰ РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 66. Л. 48; ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 5. Л. 47. Его увольнение по требованию генерала А. Т. Антоновича также вызвало протесты. Гущин был председателем рабочего комитета типографии и членом профсоюза рабочих печатного дела. 21 ноября 1920 г. общее собрание рабочих и служащих типографии высказалось против увольнения Гущина, полагая, что его увольняют за критику академического начальства (Там же. Л. 26). Вопрос об увольнении Гущина готовился, по-видимому, заранее, даже до 9 ноября (Там же. Л. 27). 8 ноября 1920 г. Андогский писал начальнику штаба войск Временного правительства Дальнего Востока Антоновичу: «4-го ноября сего года, во время моего посещения типографии академии на Русском Острове — бухгалтер типографии Н. А. Гущин в разговоре по поводу некоторых недоразумений хозяйственной части академии с типографией

Гражданская война раскидала профессорско-преподавательский состав академии по стране. В списках академии значились, но во Владивосток не прибыли: заслуженный ординарный профессор В. В. Витковский, ординарные профессора: А. К. Баиов, А. Г. Елчанинов, Б. В. Геруа, Д. Д. Сергиевский; экстраординарные профессора: В. Ф. Новицкий, Г. Г. Гиссер; штатные преподаватели военных наук: Б. П. Богословский, А. Д. Сыромятников, И. И. Сторожев⁷¹. К 15 июля 1920 г. из 15 положенных по штату ординарных профессоров по списку значились 12, а налицо состояли только 5 (Андогский, Колюбакин, Христиани, Медведев, Коханов). Из 5 экстраординарных профессоров по списку было 4, а налицо только один (Болдырев). Из 10 штатных преподавателей по списку и налицо было трое (Слижиков, Главацкий, Антонович)⁷². Такое количество профессоров и преподавателей сохранялось и к январю 1921 г.⁷³ К ноябрю 1921 г. численность штатных преподавателей сократилась до двух⁷⁴ и сохранялась до лета 1922 г.⁷⁵

позволил себе резкую критику служебной деятельности моих помощников по администрации академии, выразившись так: «Вы, А. И., окружили себя дураками» ... Весь разговор велся в повышенном тоне. При нем присутствовали: заведывающий типографией К. А. Наумов, фактор типографии А. Ф. Баранулько, корректор — А. К. Заколупин. Кроме того, несомненно, он был слышен и многими другими работниками типографии. Докладывая о сем, прошу Ваших распоряжений по сему вопросу заведывающему типографией. Со своей стороны полагаю, что выступления, подобные вышеописанному, совершенно недопустимы среди вольнонаемных типографии. Они безусловно направлены к дискредитированию администрации академии среди рабочих типографии и к нарушению нормальных и спокойных взаимоотношений между нею и рабочими» (Там же. Л. 28). Гуцин был принят на работу в академию уже в Томске 6 декабря 1918 г. (Там же. Л. 51). Впрочем, принятие на работу было лишь формальностью, т. к. на 1917 г. он также упоминался среди служащих академии (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1610. Л. 198).

⁷¹ РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 47. Л. 334. Приказом по академии № 106 от 4 августа 1920 г. были исключены из списков учебно-административного состава академии: ординарный профессор Д. В. Филатьев с 25.03.1920; штатные преподаватели: В. Л. Томашевский с 25.03.1920, Г. Т. Киященко с 10.02.1920, Н. Я. Капустин с 07.08.1918, В. Н. Касаткин с 27.06.1920; курсовые штаб-офицеры: М. Н. Архипов с 07.08.1918, Б. П. Поляков с 07.08.1918, В. И. Оберюхтин с 20.06.1920 (РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 66. Л. 2). Сторожев считался пропавшим без вести (РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 56. Л. 730).

⁷² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 65. Л. 43.

⁷³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 10.

⁷⁴ Там же. Л. 166.

⁷⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 59.

За период с 1 января по 1 апреля 1920 г. смета академии (представлена 27 апреля) составляла 5 614 475 руб., а с 1 апреля по 1 июля — 8 984 333 руб.⁷⁶ За неимением у правительства средств академия была сокращена на 40 % вольнонаемных служащих.⁷⁷ 26 апреля был утвержден временный сокращенный штат вольнонаемных служащих в размере 30 человек.⁷⁸ В мае 1920 г. в резерв были переведены Генштаба генерал-майор А. А. Сурнин, Генштаба полковник А. К. Зиневич и полковник Н. В. Главацкий.⁷⁹ Впрочем, они продолжали числиться в академии. К 1 июля 1920 г. в академии имелось налицо 14 человек командно-административного состава, 9 чиновников, 3 врача (по другим данным, врач и 2 фельдшера)⁸⁰. После сокращения смета академии существенно снизилась.

Таблица 2. Смета академии в 1920–1923 гг.⁸¹

Период	Сумма (руб.)
01.01–01.04.1920	5 614 475
01.04–01.07.1920	8 984 333
01.06–01.09.1920	673 904,75
01.09.1920–01.01.1921	1 222 628
на 1923	31 292

⁷⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 103. Л. 65.

⁷⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 38.

⁷⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 151.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 213.

⁸⁰ Офицеры и чиновники академии: генерал-майор А. И. Андогский, полковник А. П. Слижилов, генерал-лейтенанты: Б. М. Колюбакин, Г. Г. Христиани, А. И. Медведев; генерал-майоры: Н. И. Коханов, В. Г. Болдырев, А. Т. Антонович, А. А. Сурнин. Полковники Н. В. Главацкий и А. К. Зиневич, подполковник К. А. Наумов, ротмистр В. Э. Арнольд, штабс-капитан А. С. Дружинин. Статские советники: Ф. А. Мартынов, Е. Л. Высокорец; коллежские советники: И. И. Гальченко, И. А. Смирнов; коллежский ассессор Ф. С. Саук; коллежские секретари: А. Н. Волков, Д. Е. Мартынов, В. Н. Цитович (генерал-майор в отставке, числившийся в академической отчетности как военный чиновник) и не имеющий чина М. Н. Чулков (РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 60 об.). Преданным академии работником, прошедшим вместе с ней все годы Гражданской войны, был фельдшер И. Я. Ганин.

⁸¹ Составлено по: РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 103. Л. 47, 65, 96; Д. 114. Л. 53об.-54. Один из периодов (1 июня — 1 сентября 1920 г.), накладывается на предшествующий, что, возможно, связано с сокращением сметы в это время.

Активную общественную работу вел начальник академии Андогский. 27 апреля 1920 г. он был назначен председателем комиссии при штабе командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Дальнего Востока для рассмотрения и разработки штатов частей, штабов, учреждений и заведений военного ведомства⁸². 4 мая Андогский оставил этот пост в связи с назначением председателем главной русско-японской согласительной комиссии, в рамках которой мог контактировать с высшим японским командованием. В состав комиссии также вошел профессор Коханов. В исполнение должности председателя Андогский вступил только 28 июня 1920 г.⁸³, но уже 15 июля сдал должность. Впрочем, до 16 декабря он значился членом этой комиссии, а затем был освобожден по болезни⁸⁴. К тому же появившиеся в Приморье каппелевцы были против его кандидатуры. По слухам, Андогский наряду с генералом Романовским и атаманом Семеновым был одним из кандидатов на пост генерал-губернатора, если таковой будет создан.

В частном письме от 10 июня 1920 г. в Иркутск своему давнему сотруднику И. И. Сторожеву, с которым не виделся с декабря 1919 г., Андогский подвел своеобразный итог деятельности академии за полгода и охарактеризовал сотрудников академии:

«Схематически жизнь ехавших со мною прошла через следующие испытания: К новому 1920 году мы добрались до Читы, а 9-го января прибыли в Харбин. Так как в это время уже носились слухи о назревающем во Владивостоке перевороте, то эшелон наш задержался в Харбине, где и простоял до половины марта. В виду полной запутанности обстановки я в середине марта отправился в Пекин, дабы посоветоваться с представителем всероссийской власти послом кн. Кудашевым. Его совет свелся к тому, чтобы отправляться во Владивосток и подчиниться земскому правительству, которое единственно является приемлемым на Дальнем Востоке. Семенова же решено больше не поддерживать, так как он только компрометирует дело строительства государственного; внутреннюю борьбу надлежит окончить, так как она только ослабляет Россию и закабаляет ее в экономическое рабство иностранцам и т. п. В результате я решил отправиться во

---

⁸² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 152.

⁸³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 8. Л. 17–19.

⁸⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 15.

Владивосток, куда с эшелонам и прибыл 30-го марта, поливаемый грязью из Харбина.

Но к этим ваннам я уже привык. Первые дни пребывания во Владивостоке омрачились для меня возмутительным фактом: большая часть служителей, типографщики и несколько чиновников (в том числе Высогорец и Мартынов), поверив какому-то проходимцу, явившемуся в академию в качестве политического уполномоченного, порешили, что они будут управлять академией, а я упразднен как контрреволюционер; все ценное в академии (библиотеку, архив) решено было немедленно отправить в Москву под наблюдением трех товарищей (Гущина — бухгалтера типографии и двух других, случайно попавших в академию), а весь профессорский состав как реакционный оставить во Владивостоке! Едва удалось совладать с положением и добиться упразднения политичес<кого> уполномоч<енного> при академии, сосредоточить всю власть в моих руках. Теперь постепенно разгоняю всех бунтовщиков.

Академия (имущество и семья) расположена на Русском острове — в общем прекрасно. Из профессорско-преподавательского состава со мною находятся только: Колюбакин, Христиани, Медведев, Коханов, Болдырев (он же к<омандую>щий войсками), Антонович (он же — нач<альник> штаба войск), Слижигов. Остальные в разброде: а) Филатьев и Томашевский остались <в> Харбине, отказавшись ехать во Владивосток; б) Рябиков первоначально из страха взял 2-х месячный отпуск и не поехал во Владивосток, а затем устроился у Филатьева и уехал в Японию; в) Иностранцев, видя, что ему придется отвечать за позорное бегство из Омска, вышел в отставку и уехал с чехами; б) (здесь и далее — так в документе. — А. Г.) Осипов и Киященко в панике удрали — первый на Яву, а второй — в Японию; в) о Касаткине есть сведения, что он в Чите у Семенова; г) о Богословском, Смелове, Леонове и др. сведений нет. Где Сыромятников? Филатьев и Томашевский на службе у Семенова. Первый получает 2 000 иен, а второй 1 500 иен в месяц.

Где <А. Ф. > Матковский? Жена его в Харбине. Сын Толя на Русс<ком> острове в корпусе⁸⁵. Во Владивостоке полное господство японцев. Наше правительство имеет только моральное значение и располагает только 4 250 челов<еками> во всей области. Японцы, видимо, признают роль Семенова оконченной

---

⁸⁵ Речь идет о 1-м Сибирском императора Александра I и Иркутском кадетских корпусах, эвакуированных к тому времени на Русский остров.

и ищут для него почетного выхода. Правительство Дальнего Востока они склонны поддержать, но добиваются экономических выгод и преимуществ. Все <же> жить пока можно, но самолюбие от полного уничтожения русского достоинства страдает ужасно.

Очень прошу тебя найти способ дать сюда полную обо всем ориентировку. Что собою представляет диктатор Смирнов?⁸⁶

Предполагаю, выждав еще, собираться в Петроград, быть может, даже морем. Очень прошу тебя навести справки в Иркутске (Харбинская улица, 20) у генерала Симонова, где находится его сын полк<овник> Ген<ерального> шт<аба> Андрей Леонидович Симонов (ускорен<ного> выпуска)⁸⁷. Письмо было изъято у адресата при аресте. Если изложенное в нем достоверно и написано искренне, получается, Андогский планировал передать академию большевикам или зондировал почву для этого.

Как начальник академии, Андогский проявлял заботу о подчиненных. В частности, следил за тем, чтобы не было несправедливых дисциплинарных увольнений, препятствовавших дальнейшей службе работников⁸⁸. Жизнь большинства оставшихся в академии и во Владивостоке сотрудников протекала неспешно. Генерал Сурнин, по свидетельству Генштаба полковника А. К. Зиневича, на Русском острове продолжал мечтать о восстановлении монархии, но смиренно пилил дрова для квартиры и носил воду. Полковник Н. В. Главацкий получил от большевиков предложение возглавить Благовещенскую инструкторскую школу. Генштаба генерал-лейтенант В. Н. Доманевский боролся с душевной болезнью и пьянством, по причине которых едва не задушил жену и дочь, за что его собирались отправить в сумасшедший дом.⁸⁹ В мае 1921 г. сошел с ума и был уволен вольнонаемный служащий В. М. Сахаров⁹⁰. В августе 1921 г. скончался заведующий строевой канцелярией академии статский советник Е. Л. Высогорец⁹¹.

По свидетельству недоброжелателей академического начальства, большевизированных Гущина и Чудинова, «все лето почти весь личный состав, за исключением Андогского, как было выше сказано, состоящего членом японо-русской согласительной ко-

---

⁸⁶ Речь идет о председателе Сибирского ревкома Иване Никитиче Смирнове.

⁸⁷ ВАР. К.К. Akintievskii papers. Box 3.

⁸⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 116. Л. 281.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 213 об.

⁹⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 76.

⁹¹ Там же. Л. 136.

миссии, Кожанова и Слижикова, также куда-то и довольно часто ездивших, но куда и зачем — неизвестно, провел в абсолютном ничегонеделании, занимаясь собиранием грибов, рыбной ловлей, свиноводством, птицеводством и другими видами хозяйства, предпринимая экскурсии по острову и получая другие виды дачных удовольствий и развлечений, имея в своем распоряжении автомобиль, экипажи и лошадей, аккуратно получая из Государственного Казначейства свое содержание, а из Интендантства все виды пищевого и вещевого довольствия, ничуть не обременяя себя ни трудом, ни мыслью, <ни> заботами о сохранении «казенного» имущества, которое было в буквальном смысле свалено в сырую, протекавшую сверху и снизу казарму, далеко расположенную от места расквартирования ответственных за это имущество лиц, находясь под присмотром всего нескольких человек.

Только со временем, после детальной ревизии всего имущества академии, можно будет точно установить степень попорченности всей громадной библиотеки, карт и т. д., подвергавшихся влиянию особенностей климата на Русском Острове, непрерывным странствованиям из города в город, из помещения в телеги, из телег в вагоны, из вагонов в баржи и т. д., на всем громадном протяжении от Петрограда до Владивостока»⁹².

Безусловно, что-то из имущества академии за время многократных эвакуаций было испорчено. Однако речь шла о единичных предметах. Так, при вскрытии ящиков с музейным имуществом в апреле 1921 г. часть оказалась испорчена. Например, при перевозке разлетелся на куски рельефный план Порт-Артура, оказались разбиты рельефы по Первой мировой войне, стеклянный портрет. Некоторые книги с площадки вагона на станции Клюквенная были похищены чехословаками из эшелона 6-го Чехословацкого стрелкового полка⁹³. Сохранившиеся ящики осматривала и учитывала специальная комиссия. В целом же, имущество музеев и архива академии не распаковывалось до его возвращения в Москву в 1923 г., что свидетельствует о понимании Андогским и его окружением временного характера пребывания на Русском острове. В несколько худшем состоянии было имущество склада учебных пособий академии. С октября 1919 г. по июль 1921 г. книги склада хранились в ящиках. Уже в 1919 г. отмечалась большая изношенность пособий. Не хватало книг.

⁹² ГА РФ. Ф. Р-3630. Оп. 1. Д. 3. Л. 46–46 об.

⁹³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 140 об.

К примеру, на курсах 4-й очереди в Томске в 1919 г. выдавали по книге только на 2–3, но даже на 5–10 слушателей⁹⁴.

В связи с успешным наступлением РККА на Польшу академическое начальство было готово признать большевиков, но затем вновь вернулось к прежним взглядам. Позиция академического руководства в этот период представляется противоречивой и непоследовательной, как политика лавирования с целью сберечь академию. Возможно, в той ситуации это был единственный способ выживания. Низшие служащие академии считали академическое начальство источником контрреволюционных настроений и полагали, что вывоз академии в центр мог бы даже оздоровить обстановку в Приморье. Генштабисты-эмигранты, наоборот, относили Андогского и его окружение к предателям и пособникам большевиков.

Впоследствии генералу Андогскому эмигранты припомнили ряд «прегрешений» за период 1920–1922 гг. Вопрос об Андогском даже обсуждала некая «инициативная группа офицеров Генерального штаба» из 10 офицеров 21 июня 1927 г. под председательством генерала С. Н. Люпова. Участникам обсуждения не давало покоя сотрудничество академии с большевиками. В частности, Андогскому инкриминировался вывоз академии из Харбина во Владивосток. Еще более серьезным обвинением была отправка Андогским письма своему однокашнику по академии, учившемуся на курс старше, бывшему Генштаба генерал-майору Д. К. Лебедеву, который служил в Красной армии. Письмо было отправлено из Владивостока в Москву и датировано 10 июня 1920 г. (как и письмо Андогского И. И. Сторожеву). Письмо было в июле 1920 г. в Чите отобрано у представителя шведского Красного Креста, следовавшего из Владивостока в Москву⁹⁵.

В этом письме Андогский сообщал о готовности вывезти академию в Россию и писал:

«Дорогой Дмитрий Капитонович! Я с имуществом академии и частью личного состава нахожусь с 30 марта с. г. во Владивостоке. Академия — в свернутом и запакованном состоянии расположена на Русском Острове в ожидании возможности отправиться в Москву или Петроград.

Как тебе, вероятно, известно, здесь — Земское Правительство, вошедшее в сношения с Московскою советскою властью.

⁹⁴ Там же. Л. 144.

⁹⁵ BAR. К. К. Akintievskii papers. Box 3.

Командующим войсками — В. Г. Болдырев; нач^{альник} штаба — А. Т. Антонович. Я — член русско-японской согласительной комиссии, имеющей задачу спасти русское достояние от вождений японцев, являющихся фактическими хозяевами края. Работа — тяжелая, в особенности, в нравственном отношении.

С представителем Московского правительства здесь я уже переговорил по всем вопросам переезда в Европейскую Россию. Препятствует — Забайкальская пробка — атаман Семенов, поддерживаемый японцами, ищущими здесь такой власти, которая гарантировала бы им необходимые экономические выгоды. За последнее время у них обнаружилось стремление войти в переговоры непосредственно с Московским правительством.

Не буду рассказывать о всем пережитом за два слишком года, со времени выезда из Петрограда. Встретимся — поговорим. Горьким опытом узнал людей и испытал то, чего не пришлось бы испытывать в советской России.

Доставлен был мне советский приказ об открытии академии в Москве, — в свое время целиком написанный моею рукою. — Завидую возможности работать на любимом поприще и жду ее наступления.

Семья моя вся жива и здорова.

Все шлем привет Евгении Иеронимовне и тебе.

Будучи в Томске — видались с семьей Михайленки. До ноября все были здоровы.

Крепко жму твою руку.

Твой А. Андогский.

Если увидишь С. Д. Масловского⁹⁶, передай ему привет и скажи, что имущество его и книги все время ездят с нами и до сих пор сохранны.

Журнал твой⁹⁷ отдельными номерами доходил сюда⁹⁸.

Это письмо свидетельствует о том, что своим призванием Андогский считал педагогическую и организационную работу в академии и завидовал тем возможностям, которые для этого были созданы в Советской России. Опыт сотрудничества с большевиками, видимо, значительно расширил кругозор генерала, дав ему представление о новых методах государственного управле-

⁹⁶ С. Д. Масловский был библиотекарем академии.

⁹⁷ Речь идет о журнале «Военное дело», выходившем в Москве.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

ния и о том, что большевики были отнюдь не только кровавыми палачами, какими их изображала белая пропаганда. Познал Андогский и горечь предательства бывших сослуживцев, которые в 1918–1919 гг. поспешили откреститься от генерала и заклеили его сотрудничеством с большевиками.

Действия Андогского соответствовали политическим настроениям населения Приморья того времени. Как отмечал Генштаба генерал-майор П. П. Петров, «приморский обыватель и население относились к правительству и армии или безразлично, или холодно, или даже враждебно. Многие не видели несчастья в том, что придут большевики... даже многочисленные беженцы, скопившиеся во Владивостоке с <19>17 г., не ожидали репрессий со стороны большевиков»⁹⁹.

Из письма Андогского следует, что он больше всего опасался захвата его имущества японцами или вывоза его за пределы России. В обстановке разгрома белых на всех фронтах он не считал недопустимыми контакты с большевиками и передачу в советский центр академического имущества. Не исключено, что впечатление на него произвело открытие в Москве в сжатые сроки академии Генштаба РККА и большая военно-научная работа, которая велась военспецами в Советской России, в частности, в журнале «Военное дело». Однако письмо каким-то образом попало в руки противников Андогского (по некоторым данным, было перехвачено контрразведкой атамана Семенова¹⁰⁰), и было использовано в его травле, поскольку позволяло считать его большевиком не только за кратковременное сотрудничество с красными в первой половине 1918 г., но и в 1920 г., когда Андогский был уже формально реабилитирован в белом лагере¹⁰¹.

Обвиняли начальника академии и в отправке телеграммы Л. Д. Троцкому с сообщением готовности вывезти академию в его распоряжение, однако этот документ пока нами не обнаружен. По свидетельству генерала М. А. Иностранцева, Андогский не скрывал связей с большевистским представителем, прибывшим во Владивосток из Москвы¹⁰². Еще одним пунктом обвинения было умышленное оставление академии во Владивостоке после

⁹⁹ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). Рига, 1930. С. 198.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 143. Л. 9.

¹⁰¹ О травле Андогского в белой Сибири см.: Ганин А. В. Несостоявшееся назначение генерала А.И. Андогского // История белой Сибири. Сборник научных трудов. Под ред. С.П. Звягина. Кемерово, 2011. С. 138-144.

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 22 об.

падения правительства генерала М. К. Дитерихса, а также предательство личного состава академии¹⁰³, на чем мы остановимся ниже.

Интересное для блюстителей нравственной чистоты белых обсуждение продолжалось на дальнейших собраниях харбинских генштабистов, которые стали их именовать общими собраниями офицеров Генштаба. 29 сентября 1927 г. на такое собрание пришли 27 человек. Задавал тон недоброжелатель Андогского — председательствовавший Генштаба генерал-лейтенант Н. Г. Володченко. Он сообщил присутствовавшим, что «в Приморье, куда прибыл г. Андогский с личным составом и последними эшелонами академии, царствовал «розовый коммунизм»; военная власть была в руках военного совета, во главе коего стоял видный местный коммунист Лазо, а членом был другой такой же коммунист Никифоров, представителем СССР¹⁰⁴ (неофициально) был Виленский, тоже видный коммунист... Осовечивание края приняло темп, игнорирующий всякую предосторожность, во Владивостоке производили открыто выборы в совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов... Сам г. Андогский являлся бывшему тогда ком<андующем> войсками Болдыреву с большой красной звездой на рукаве (о ношении красной звезды упоминается и в книге Галича — «Золотые корабли»¹⁰⁵)... Тот же г. Андогский вел переговоры с Кожевниковым о перевозке Академии в Читу. Не входя в разбор письма Лебедеву... приходится указать, что справки из Болдырева и Вегмана¹⁰⁶ имеют характер, уничтожающий малейшую возможность обеления г. Андогского»¹⁰⁷.

По свидетельству Болдырева, относящемуся к концу декабря 1920 г., Андогский действительно беседовал с товарищем министра иностранных дел Дальневосточной республики (ДВР)

---

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 24 об.

¹⁰⁴ Так в документе. На самом деле речь идет о событиях 1920 г., произошедших задолго до образования СССР.

¹⁰⁵ В этой книге упоминался «начальник академии — Андогский, с совсем маленькой, совсем крошечной красной звездой. Впрочем, совместив вскоре с должностью начальника академии пост владивостокского городского головы и тайного советника при братьях Меркуловых, он появлялся уже не иначе, как в эполетах и широких генеральских лампасах» (Галич Ю. Золотые корабли. Скитания. Рига, 1927. С. 228).

¹⁰⁶ Речь идет о воспоминаниях генерала В. Г. Болдырева с комментариями В. Д. Вегмана, использованных обвинителями Андогского.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 31–31 об.

И. С. Кожевниковым по вопросу о переброске академии как центрального учреждения в Читу — столицу ДВР. Академии были обещаны правовые и материальные гарантии. Болдырев посоветовал обдумать это предложение и предварительно съездить в Читу, но сам как профессор академии туда ехать не собирався¹⁰⁸. В эмиграции недоброжелатели Андогского писали о переговорах с чехословаками, которые также якобы вел Андогский для переброски академии в Читу¹⁰⁹. По этим сведениям, все, кто не пожелал ехать в Читу, были от академии отчислены по распоряжению командующего частями Народно-революционной армии и партизанскими силами в Приморье А. П. Лепехина, а сама академия не эвакуировалась в Читу только из-за вмешательства японцев.

2 февраля 1921 г. Болдырев побывал у Андогского. По дневниковой записи Болдырева, Андогский «в смущении: из Читы определенного призыва нет, здесь жмут академию военные комиссары, сделавшиеся в сущности полновластными хозяевами положения. Тревожит мысль о финансах и о целесообразности новых «зигзагов», в которых так искусился почтенный Андогский. К чести его, он делает многое для академии и ухитряется в столь сложное время кормить и ученый и административный состав подчиненного ему учреждения»¹¹⁰. Вопрос об эвакуации в Читу сохранял актуальность вплоть до мая 1921 г.¹¹¹, когда политическая обстановка резко переменялась.

В мае—июне 1920 г. преподаватели, наконец, разместились на Русском острове. 1 июня 1920 г. туда переселился Андогский, расположившись в сером доме 3-го полка¹¹². Правитель дел А. П. Слижиков поселился тогда же неподалеку. По данным на январь 1921 г., Андогский жил на пристани «Экипажная»¹¹³.

Положение академии и ее начальника было непростым, давало о себе знать японское засилье. 10 июня 1920 г. японцы на несколько часов арестовали двух служащих библиотеки академии (фактора типографии А. Ф. Баранулько и писаря библиотеки Б. И. Рака) за то, что те их не пускали в помещения типографии. Также они нанесли оскорбление библиотекарю академии А. С. Дружинину.

---

¹⁰⁸ Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 399.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 56 об.

¹¹⁰ Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 412.

¹¹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 72. Л. 15.

¹¹² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 293.

¹¹³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 691.

Вечером арестованные были отпущены¹¹⁴. Правитель дел академии Слижиков рапортовал начальству, что от того, как разрешится этот инцидент, будет зависеть престиж академии, поскольку игнорирование японцами академического начальства неприемлемо. Андогский 15 июня потребовал в случае необходимости осмотра японцами помещений академии обращаться только к администрации¹¹⁵. Через некоторое время и сам начальник академии стал жертвой новых хозяев края. В первых числах февраля 1921 г. Андогского на автомобиле задержал японский взвод у казарм 36-го полка. Генерала отконвоировали к коменданту и пытались задержать со словами: «Ваша русски офицер ходи гауптвахта». Позднее японцы заявили, что ошиблись. Как справедливо отмечал Болдырев, «такие поступки, несомненно, увеличивают кадры сторонников большевиков»¹¹⁶.

В конце 1920 г. в Приморье стали прибывать части белых, вытесненные из Забайкалья. Формально это была уже не армия, а люди, искавшие пристанища, но в действительности армейская структура сохранилась, хотя командование было вынуждено находиться на нелегальном положении. В результате переворота 26 мая 1921 г. во Владивостоке, совершенного силами армии, было свергнуто пробольшевистское Приморское областное управление ДВР во главе с В. Г. Антоновым, и к власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством С. Д. Меркулова.

О повседневной жизни служащих академии в тот период известно немного. Обеспечение персонала всем необходимым требовало больших затрат. Нормы месячной выдачи на человека в августе 1920 г. составляли: муки второго сорта 5 фунтов, простого размола 10 фунтов, соли 1 фунт, пшеница 1 фунт, масла сливочного 2 фунта, перца 15 золотников, сахара 2 золотника, чая $\frac{1}{4}$ золотника, мыла 1 золотник, курительной бумаги 10 листов, спичек 1 пачка, крупы гречневой 5 фунтов, хлеба 3 фунта.¹¹⁷ К октябрю 1920 г. выдавалось уже 3 фунта муки на человека, 5 фунтов крупы ядрицы, фунт пшеница, фунт риса, полфунта соли, фунт сливочного масла, фунт сахара. Чины административного состава также получали по 4,5 фунта интендантского кускового

¹¹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 216.

¹¹⁵ Там же. Л. 219.

¹¹⁶ Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 413.

¹¹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 102. Л. 17.

сала.¹¹⁸ Цены для сотрудников были на 50 % ниже цен городской продовольственной лавки.

По данным на февраль 1921 г., только служащим типографии требовалось ежедневно отпускать по 30 фунтов (12 кг) хлеба.¹¹⁹ Ситуация облегчалась автономным положением академии и значительными ресурсами, которыми она располагала в обстановке разрухи. Например, в академии были собственная хлебопекарня и продуктовая лавка, легковой автомобиль для служебных нужд, была своя кузница, в июне 1920 г. работников академии обслуживали сразу две амбулатории.¹²⁰ Можно было рассчитывать и на некоторую помощь извне. Так, например, в мае 1920 г. академия получила медикаменты от канадского Красного Креста.¹²¹ С ноября 1921 г. дважды в месяц пехотное военное училище предоставляло работникам академии возможность пользоваться баней.¹²²

Бывшие и действующие сотрудники академии нашли себя на политической ниве. В марте 1921 г. генерал А. Т. Антонович, занимавший пост начальника штаба сухопутных и морских сил Приморской областной земской управы, участвовал в съезде несоциалистического населения Дальнего Востока в составе группы прогрессивных демократов. Состав академии участвовал в выборах в Приамурское народное собрание в 1921 г.¹²³

Преподаватели занимались научно-педагогической деятельностью. В частности, сотрудничали с военно-исторической комиссией, существовавшей при штабе войск. А. П. Слижилов с 30 октября 1920 г. был командирован на должность начальника военного училища¹²⁴, а в марте 1921 г. наметил публикацию пяти научных трудов по истории Первой мировой войны. Разработку сюжетов истории мировой войны намечали профессора Колубакин, Медведев и Христиани¹²⁵. Летом 1920 г. было объявлено о публичных лекциях заслуженного ординарного профессора Христиани по темам «Славянская проблема Средней Евро-

---

¹¹⁸ Там же. Л. 23.

¹¹⁹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1985. Л. 28.

¹²⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 2. Л. 214.

¹²¹ Там же. Л. 155.

¹²² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 76. Л. 25.

¹²³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.

¹²⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 66. Л. 39.

¹²⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1619. Л. 10–13.

пы» и «Национальная проблема в Передней Азии»¹²⁶. В июле 1920 г. публичные лекции должны были читать профессора Коханов и Медведев¹²⁷. Последний с декабря 1921 г. преподавал в Никольске-Уссурийском, а также в военном училище во Владивостоке.¹²⁸ Генерал Колюбакин с 1 июня 1921 г. Советом государственного Дальневосточного университета был избран и. д. ординарного профессора по кафедре всеобщей истории.¹²⁹ Приват-доцентом по кафедре статистики населения был избран 8 ноября 1921 г. Христиани¹³⁰. С 1 февраля 1922 г. он был избран и. д. ординарного профессора по кафедре экономической географии.¹³¹ Работа в университете давала возможность дополнительного заработка и другие возможности. Например, группа профессоров университета вместе с Колюбакиным планировала посетить Японию.¹³²

Командир II стрелкового корпуса генерал-майор И. С. Смолен и офицеры штаба корпуса из Никольска-Уссурийского осенью 1921 г. просили Андогского и других профессоров академии посетить их гарнизон, в котором более 700 офицеров ждали их «живое слово», и просил прочитать 2–3 лекции на военные, исторические и современные темы. Плата за лекции была оставлена на усмотрение профессоров.¹³³ Для переговоров в академию был командирован Генштаба полковник Наркевич. Колюбакин ответил отказом из-за холодов и занятости, но летом обещал пойти навстречу. В итоге была достигнута договоренность о чтении цикла лекций.

Академия продолжала оставаться центром научной и культурной жизни. Во всяком случае, ее высоко ценили недавние союзники. Так, 20 августа 1920 г. командующий чехословацкими войсками на Дальнем Востоке генерал-майор С. Чечек писал Андогскому:

«Ваше Превосходительство.

Накануне моего отъезда на родину со своим Штабом на пароходе «Президент Грант», во вторник 24 Августа, имею честь

---

¹²⁶ РГВИА. Ф. 977. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

¹²⁷ Там же. Л. 2 об.

¹²⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1663. Л. 3.

¹²⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 86.

¹³⁰ Там же. Л. 170.

¹³¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 748.

¹³² Там же. Л. 769.

¹³³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1663. Л. 2.

выразить Вам, Ваше Превосходительство, свою глубокую благодарность за все те услуги, оказанные Вами и г. г. офицерами вверенной Вам Академии Чехословацкой Армии в Сибири тем, что Вы дали основное воспитание нашим будущим офицерам Генерального Штаба.

Надеюсь, что эта дружеская связь, которой наша Армия связана с Вами, будет поддерживаться и в будущем и что наши младшие офицеры всегда найдут в Вашей славной своими традициями Военной Академии богатый родник своего военного воспитания.

Примите, Ваше Превосходительство, уверения в моем к Вам глубоком уважении.

Генерал-Майор ЧЕЧЕК¹³⁴».

Начальник штаба чехословацких войск подполковник Моравец на следующий день писал Андогскому:

«Ваше Превосходительство.

В этих днях Штаб Чехословацких войск на Дальнем Востоке заканчивает здесь свою работу и уезжает 24 сего Августа на пароходе «Президент Грант» на свою родину.

Покидая Россию, считаю своим долгом выразить Вам как Ваш бывший ученик — свою глубокую признательность за дружественное отношение со стороны Вашей и целой профессорской конференции к нам, Чехословацким слушателям. Мы все, которые имели возможность под Вашим руководством учиться, сохраним самое лучшее воспоминание за время, проведенное в стенах Академии.

Желая Вам и всей Академии в будущем много успеха, остаюсь с совершенным почтением.

Начальник Штаба Чехосл. Войск на Дальнем Востоке Подполковник МОРАВЕЦ¹³⁵».

13 сентября 1922 г. академию посетил начальник 16-й японской бригады генерал Тани, отметивший, что в академии хранятся большие богатства, которые нужно беречь.¹³⁶

Летом 1921 г. в академии числились 52 служащих, включая вольнонаемных. На неквалифицированных работах использовались китайцы. В документах значатся обозные Ли-Мин-Фу

---

¹³⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 47. Л. 337.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 20. Л. 663.

и Ван-Шен, дворник Юн-Чжун-Ю.¹³⁷ По данным на сентябрь 1921 г., академия располагала девятью лошадьми, в т. ч. семью артиллерийскими. Автономной жизнью жила типография академии, которой на февраль 1922 г. заведовал ротмистр Арнгольд. В типографии к этому времени работали 24 сотрудника.

Периодически возникали слухи о возможном открытии академии. В декабре 1919 г. подал рапорт о зачислении в академию поручик И. В. фон-Бреверн, воевавший на Юге России¹³⁸. Подполковник В. К. Подгорецкий, некогда командированный на курсы штабом Оренбургской армии и проживавший в Харбине, запрашивал по этому поводу правителя дел академии. От Андогского был получен ответ, что «если академия и будет открыта, то только для продолжения образования на старшем классе слушателей, прошедших уже младш<ий> ускор<енный> класс 1, 2, 3 и 4-й очередей или на дополнительном — окончивших ускоренный старший класс 1 и 2 очередей»¹³⁹. Между прочим, в документах академии сохранились упоминания о намечавшемся на июль 1921 г. открытии академии, которую собирались целиком сосредоточить в районе 36-го Сибирского стрелкового полка.¹⁴⁰ Со слушателями академии происходили и некоторые казусы. Например, начальник штаба Румынской военной миссии в Сибири курсовик подполковник Петровский сообщил в академию, что после гибели Верховного правителя адмирала А. В. Колчака он считал себя подчиненным только Андогскому.¹⁴¹

До ноября 1921 г. все служащие считались добровольцами.¹⁴² К ноябрю 1921 г. заслуженные ординарные профессора, генерал-лейтенанты Колюбакин и Христиани, а также ординарный профессор, генерал-лейтенант Медведев, как прослужившие 25 лет на учебной службе, приобрели право на получение учебной пенсии во время состояния их на действительной службе. В мирное время для ординарного профессора пенсия составляла 1500 руб. в год, для экстраординарного — 750. Колюбакин и Христиани сверх 25 лет успели выслужить еще

---

¹³⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1633. Л. 86 об., 121.

¹³⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

¹³⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 10. Л. 195.

¹⁴⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 109. Л. 210.

¹⁴¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

¹⁴² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 719.

по два пятилетия (за каждое прибавляли по 300 руб.) и должны были получать по 2100 руб. в год. Медведев выслужил одно пятилетие помимо 25 лет и получал 900 руб. Реально пенсию они получали до октября 1919 г. Однако после эвакуации во Владивосток выдача прекратилась. 20 ноября 1921 г. Андогский обратился с ходатайством к управляющему военно-морским ведомством, с тем чтобы установить для профессоров добавочное содержание, если пенсионный вопрос не решится. Приморская казенная палата ответила только 16 февраля 1922 г., отказав Андогскому под предлогом того, что академия — общегосударственное, а не местное учреждение и на его содержание местных средств нет.¹⁴³

В 1921–1922 гг. Андогский продолжал активную деятельность. Когда правитель дел академии Слижииков был освобожден от должности по прошению, его обязанности временно взял на себя начальник академии. В приказе по академии он отметил: «Приношу Аркадию Павловичу СЛИЖИКОВУ глубокую и искреннюю благодарность за его громадные и полезные труды по должности Правителя дел, которую он в течение последних полутора лет исполнял с неослабной энергией, — а в особенности за его помощь и работу во время эвакуации Академии из Томска во Владивосток и при устройстве ее на новом месте»¹⁴⁴.

В самой академии развернулась внутренняя борьба. Конференция академии решила воспользоваться истечением четырех лет с момента избрания Андогского начальником академии и не избирать его на новый срок. Однако Андогский и из этой ситуации смог удачно выйти. Если верить свидетельствам его недоброжелателей-белоэмигрантов, он обвинил членов конференции в поддержке атамана Г. М. Семенова, в результате чего получил от генерала <Г. А.> Вержбицкого приказ оставаться во главе академии «впредь до наступления успокоения в России»¹⁴⁵.

В начале июня 1922 г. к власти в Приморье пришел Генштаба генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, вскоре избранный правителем Приамурского Земского Края. Для укрепления своего положения Андогский вступил во Всероссийский крестьянский союз, причем был избран членом владивостокской Городской

---

¹⁴³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1662. Л. 1, 3, 6, 7–7 об., 8, 10–10 об.

¹⁴⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 59.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

Думы по списку Всероссийского крестьянского союза от Русского острова — пригородной части Владивостока, где размещалась академия. Затем, «объявив войну старому городскому голове при помощи всегда недовольных засельщиков, Андогский превратился в городского голову, одновременно сохраняя за собой и должность начальника академии»¹⁴⁶. Городским головой Владивостока Андогский стал 5 июля 1922 г. и значился на этом посту до 20 октября. Командующим войсками и флотом Временного Приамурского правительства ему было разрешено при исполнении должности носить военную форму¹⁴⁷.

Сравнительное материальное благополучие Андогского вызывало зависть, а на фоне его умения приспособливаться — и ненависть его коллег. Генштаба полковник А. К. Зиневич 23 января 1921 г. писал Генштаба генерал-майору М. А. Иностранцеву, что Андогский недурно устроился на острове, имел прекрасную квартиру в расположении 3-го полка, автомобиль и катер для поездок во Владивосток. Академия не функционировала и пребывала в сокращенном составе¹⁴⁸.

Недрузи начальника академии отмечали, что теперь он обеспечен в двойном размере по двум должностям, имея два автомобиля, две казенных квартиры и даже сдавая в аренду типографию академии. В это время профессора академии якобы нищенствовали. Разумеется, мы не знаем всех обстоятельств материального обеспечения Андогского, но, во всяком случае, обвинения в том, что он выделялся на фоне профессуры, не соответствуют действительности, так как профессора получали сопоставимое содержание¹⁴⁹. Обеспечение сотрудников академии жалованием, наглядно видно из таблицы:

---

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 56. Л. 773.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 57. Л. 213.

¹⁴⁹ В 1921 г. вр. и. д. начальника академии профессор Медведев получал в месяц 79 руб. 17 коп. золотом в иенах, профессора Колюбакин и Христиани получали 70 руб. 83 коп., профессора Болдырев и Коханов получали по 62 руб. 50 коп., штатный преподаватель Антонович — 54 руб. 17 коп., минимальный оклад дворника составлял 35 руб. (РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 80. Л. 8–8 об.). По данным на апрель 1922 г., заслуженный ординарный профессор считался относящимся к 3-му разряду табели окладов, ординарный профессор — к 4-му, экстраординарный профессор и правитель дел — к 5-му, штатный преподаватель — к 6-му (РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 82. Л. 35). Помимо жалования персонал академии получал денежные пособия, например, по случаю праздника Пасхи.

Таблица 3. Месячные оклады жалования персонала академии в 1920–1923 гг. (руб.)¹⁵⁰

Должность/Дата	1920	Намеч. на 1923 г.
Начальник академии	1 608,75	100
Правитель дел	1 188	
Заслуженный ординарный профессор		90
Ординарный профессор	1395	80
Экстраординарный профессор	1188	70
Штатный преподаватель	1 010,25	60
Дворник	450	

Реальные доходы за счет дополнительных выплат были выше, причем оклады часто менялись.

Таблица 4. Фактические доходы руководства академии (руб.)¹⁵¹

Долж- ность/Дата	08.1920	09.1920	09.1920	02.1921 (без вычета налогов)	09.1922
Начальник академии	2 849,93	6 347,25	21 262,31	98,60 зо- лотом или 295 800 кредитн. билетами ¹⁵²	78,22
Правитель дел	2 587,26	5 762,25	19 302,65	249 600	
Заслужен. ординарный профессор					70,08
Ординарный профессор	2 587, 26	5 762,25		263 400	

¹⁵⁰ Составлено по: РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 103. Л. 95–95 об.; Д. 114. Л. 55.

¹⁵¹ Составлено по: РГВА. Ф. 33 892. Оп. 1. Д. 107. Л. 4, 21, 43; Д. 112. Л. 56 об.; Д. 117. Л. 23 об. По всей видимости, в сентябре 1920 г. произошло резкое повышение окладов.

¹⁵² За вычетом налога и квартирных у Андогского оставалось к выдаче 82 руб. 55 коп. золотом или 247 658 руб. кредитными билетами.

Экстраординарный профессор	227 400	61,80
Штатный преподаватель		54,17

Смета Главного управления Генерального штаба на 1923 г. по академии была следующей:

Таблица 5. Смета Главного управления Генерального штаба на 1923 г. по академии¹⁵³

Статья расхода	Сумма (руб.)
Содержание личного состава	29 492
Приобретение новых изданий для библиотеки академии	1200
Ремонт пишущих машин	600
Итого:	31 292

Запланированная смета свидетельствовала, что практически никакой работы в самой академии не велось. Что касается типографии академии, то она выполняла частные заказы, в том числе не по профилю академии¹⁵⁴. Например, выгодно было печатать входящие и исходящие журналы для городского книжного склада¹⁵⁵. Подобная коммерческая деятельность давала определенный доход и позволяла выживать в непростое время.

Формально администрация академии подчинялась командующему войсками Временного Приамурского правительства. Начальник академии имел статус командира корпуса (позднее — начальника дивизии), а правитель дел — командира бригады¹⁵⁶. При этом обвинители начальника академии отмечали, что он сотрудничал и с генералом Г. А. Вержбицким, и с братьями Меркуловыми, и с генералом Дитерихсом, предавая тех, кому служил ранее, — «каждый этап смены власти ему давал несколько тысяч на поездку в Японию. От каждого власть «берущего» он также аккуратно брал»¹⁵⁷.

¹⁵³ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 114. Л. 53 об.—54.

¹⁵⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 171.

¹⁵⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 76. Л. 36.

¹⁵⁶ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 80. Л. 37.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 57.

В 1921–1922 гг. генерал Андогский неоднократно бывал в Японии. Первая командировка состоялась с санкции генерала Вержбицкого и касалась как академических дел, так и специальных вопросов. В Японии обсуждался и вопрос об эвакуации туда академии. Андогский заверял в этом правые общественные круги. В 1922 г. Андогский с 22 апреля по 4 мая ездил в Японию¹⁵⁸ на деньги владивостокской городской думы. На время отъезда его подменял генерал Христиани¹⁵⁹. 17 мая Андогский снова уехал в Токио, вернулся 5 июня¹⁶⁰. 23 августа Андогский отправился в Японию как председатель делегации для обращения от имени Земского Собора к императорскому японскому правительству, вернувшись 21 сентября¹⁶¹. 4 октября Андогский опять уехал в Японию с особым правительственным поручением от правительства Приамурского Земского Края¹⁶². Во всех случаях его подменял профессор Христиани. Новую командировку он получил от генерала Дитерихса, вел переговоры о продолжении японской интервенции, но в октябре 1922 г. решил не возвращаться во Владивосток и выждать время. 17 октября он прислал телеграмму о подготовке академического имущества к вывозу за границу. Все же 21 октября он объявился во Владивостоке, где затем якобы распорядился о передаче академии советской власти. Есть сведения о том, что и в Китае с послом Кудашевым и в Японии Андогский обсуждал возможность эвакуации академии. Быть может, эти попытки были недостаточно активны, что позволило сохранить имущество академии в России.

Здесь уместно разоблачить один оскорбительный для истории отечественного Генерального штаба миф. В романе известного писателя и спортсмена Юрия Власова «Огненный крест» Андогский был голословно обвинен в продаже библиотеки академии японцам¹⁶³. Затем об этом стали писать и более серьезные авторы. Заслуживающих внимания документальных подтверждений обвинениям пока не обнаружено. Попытаемся проследить предысторию возникновения мифа.

Как известно, «у победы сто отцов, а поражение — круглый сирота». Лавры спасителей бесценной академической библиоте-

---

¹⁵⁸ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 39.

¹⁵⁹ Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция А.Г. Ефимова. Вох 1. Folder 9. P. 86.

¹⁶⁰ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 45, 52.

¹⁶¹ Там же. Л. 79, 91.

¹⁶² Там же. Л. 96.

¹⁶³ Власов Ю. П. Огненный крест. Ч. 1. М., 1992. С. 221.

ки примеряли на себя многие. В советских версиях этих событий можно встретить различных претендентов, но только не сотрудников академии, более других способствовавших сбережению академических сокровищ.

В комментариях В. Д. Вегмана к книге воспоминаний генерала Болдырева, изданной в СССР в 1925 г., отмечено, что переговоры о продаже академической библиотеки японцам Андогский якобы вел во время своей поездки в Японию с согласия генерала Дитерихса и братьев Меркуловых, и только приход советских войск сорвал эти планы¹⁶⁴. На роль спасителей академического имущества от передачи его японцам претендовали и владивостокские подпольщики¹⁶⁵. Очевидно, что версия о продаже намеренно распространялась для дискредитации белых.

В опубликованных документах о мнимой борьбе подпольщиков за сохранение академии речь идет о заключенных лагеря военнопленных на Русском острове, освобожденных офицерами 20 октября 1922 г. После этого они двое суток скрывались, а с 22 октября якобы приступили к организации охраны Русского острова. Тем не менее сомнительно, чтобы освобожденные первым делом бросились заниматься академической библиотекой, а не более насущными делами.

Спасение имущества академии от вывоза за границу ставят также в заслугу резиденту разведотдела штаба НРА ДВР во Владивостоке и заведующему осведомительным отделом Приморской областной организации РКП (б) 25-летнему Л. Я. Бурлакову¹⁶⁶, даже награжденному за это именными часами от РВС 5-й армии¹⁶⁷, однако каковы конкретные заслуги Бурлакова в этом вопросе, сказать сложно. Как известно, уже 25 октября во Владивосток вошли красные (части НРА ДВР), но еще 19 октября город частично перешел под контроль Центрального стачечного

---

¹⁶⁴ Болдырев В. Г. Указ. соч. С. 556.

¹⁶⁵ Последние дни белогвардейцев в Приморье // Известия ЦК КПСС. 1991. Август. № 8 (319). С. 139. После публикации эта версия распространилась и в литературе. См., напр.: Ципкин Ю. Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2003. С. 318.

¹⁶⁶ Шинин О. В. Большеви́стская «партийная» разведка в период существования в Приморской области буржуазных правительств (май 1921 г. — октябрь 1922 г.) // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 5 (5). С. 35.

¹⁶⁷ Степанов Е. Красные разведчики // Красное знамя. Орган Приморского краевого комитета КПСС и краевого Совета народных депутатов (Владивосток). 1981. № 189 (19234). 16.08. С. 3.

комитета рабочих и был охвачен беспорядками, а эвакуация белых началась 17 октября. В этот период даже при всем желании академическое начальство не располагало ни временем, ни физической и технической возможностью вывезти академию со всем ее огромным имуществом с Русского острова за границу.

Если бы генерал Андогский мечтал продать академическое имущество иностранцам, он имел много времени для того, чтобы это сделать на всем протяжении 1920–1922 гг. Однако в этот период он, наоборот, заботился о сохранении и пополнении библиотеки. Трудно допустить мысль о том, чтобы начальник академии мог прийти до решения продать национальное достояние России иностранцам. Если что-то с японцами и обсуждалось, то, вероятно, вопрос об эвакуации академии за границу.

Ни в документах Андогского, ни в документах академии, оказавшихся разделенными между двумя архивами (РГВИА и РГВА), сведений о попытке продажи библиотеки японцам нет. Кроме того, вся деятельность академии и ее руководства, наоборот, свидетельствует о бережном и заботливом отношении к библиотеке, несмотря на тяжелые условия Гражданской войны и разруху. Так, в марте 1920 г. представители академии ходатайствовали о включении библиотеки в число государственных книгохранилищ для высылки Книжной палатой печатных изданий¹⁶⁸. Включение академии в этот список решало массу проблем. Законом Временного правительства о печати от 27 апреля 1917 г. была установлена обязательная передача в Книжную палату 7 экземпляров любых изданий, в 1919 г. в Белой Сибири это количество было увеличено до 9, так как два экземпляра предполагалось направлять в учрежденный тогда Институт исследования Сибири. Теперь академия рассчитывала на то, что один из этих двух экземпляров будет отправляться ей¹⁶⁹. Академическое руководство пыталось получить книги, предназначенные Книжной палатой для передачи Александровскому университету в Гельсингфорсе¹⁷⁰. Особую значимость представлял сбор изданий, вышедших с 1917 г. как наиболее редких. Предпринимались попытки получения книг и из других библиотек. Например, в июле 1922 г. были получены сведения о том, что намечена продажа японцам библиотеки общества «ОЗО» под председательством Генштаба генерал-лейтенанта М. К. Самойлова¹⁷¹. В этой библиотеке были секретные

¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 6.

¹⁶⁹ Там же. Л. 86 об.–87.

¹⁷⁰ Там же. Л. 90.

¹⁷¹ Там же. Л. 97.

издания, которые академия хотела изъять. Все эти факты убедительно свидетельствуют о том, что академия стремилась собирать и сохранять книги для России, а не для продажи интервентам.

Библиотека академии пополнялась и в период пребывания ее на Русском острове, получая книги и журналы¹⁷². Более того, академия вносила посильный вклад в развитие науки и культуры восточной окраины России. Владивостокскому политехническому институту были переданы в дар топографические модели¹⁷³. Начальник академии лично занимался сбором книг для академической библиотеки. 10 июля 1922 г. Андогский писал Генштаба генерал-майору Н. М. Щербакову о том, что академия не имеет средств на покупку книг по Первой мировой войне и революции и просил выслать их бесплатно от издательства «Русское дело», которым руководил Щербаков¹⁷⁴. Мог ли это делать беспринципный человек, только и мечтавший продать библиотеку японцам, каким изображался Андогский его оппонентами?!

В письме генералу Щербакову Андогский отмечал:

«Ставя себе задачу собрать в библиотеке академии книжный материал для истории великой мировой войны, русской революции и переживаемой ныне эпохи, и не имея специальных средств на приобретение поступающих на книжный рынок изданий, я вынужден просить Ваше Превосходительство помочь родной Alma Mater путем высылки в библиотеку, бесплатно, изданий книгоиздательства «Русское Дело», возглавляемого Вами.

Вам известно, что по количеству и богатству томов библиотека академии является единственным источником военной литературы с громадным отделом общей истории и политических наук, к сожалению, сейчас, за отсутствием средств, совершенно не пополняемым.

Библиотека стремится собрать весь книжный материал, могущий послужить будущему историку, как первоисточник в его трудах по описанию тех или иных событий русской жизни в переживаемую нами эпоху»¹⁷⁵.

Начальник академии отмечал мизерность тиражей книг периода Гражданской войны и указывал на риск полной утраты ред-

---

¹⁷² Напр.: РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 74. Л. 165.

¹⁷³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 16 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 50.

¹⁷⁵ Там же. Л. 51–51 об.

ких изданий. Кроме того, Андогского интересовала возможность получить учебники для детей чинов академии. В октябре 1922 г. даже составлялись списки необходимых учебников¹⁷⁶. По вопросам получения литературы академия также вела переписку с русским эмигрантским издательством «Слово», находившимся в Германии. Академия выписывала и периодические издания, например журнал «Воин». В настоящее время книги из библиотеки академии хранятся в Российской государственной библиотеке в Москве.

Некоторые книги академической библиотеки, имевшиеся во многих экземплярах, передавались в дар библиотеке государственного Дальневосточного университета. В частности, был подарен курс международной политики и мирового хозяйства, составленный профессором Христиани¹⁷⁷, а также опубликованные им воспоминания военного министра Д. А. Милютина¹⁷⁸. Воспоминания Милютина, кроме того, рассылались в Сибирский и Хабаровский кадетские корпуса и в пехотное военное имени генерала Корнилова училище¹⁷⁹. Труды сотрудников академии были подарены в благодарность за дружественное расположение к национальному правительству Приморья китайскому маршалу Чжан-Цзо-Лину в 1922 г. Среди них было новаторское исследование в области разведки, подготовленное в 1919 г. профессором П. Ф. Рябиковым. Популярные издания расходились быстро. В частности, к ноябрю 1921 г. в академии не осталось экземпляров первой части книги Рябикова¹⁸⁰.

Вообще академия старалась помогать книгами всем, кто в них нуждался. Например, генерал Н. Н. Головин прислал запрос из Парижа с просьбой выслать ему по экземпляру его книг из библиотеки академии, так как собственные экземпляры Головина остались в России. Летом 1922 г. академия выслала Головину его труды¹⁸¹, чем, несомненно, способствовала более плодотворной научной деятельности генерала в эмиграции. Часть книг реализовывалась. Например, работа Андогского «Встречный бой» в августе 1921 г. стоила 5 руб. золотом¹⁸².

Сотрудники академии как могли боролись за сохранение академического имущества. 9 мая 1921 г. выяснилось, что пропал

---

¹⁷⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1663. Л. 25.

¹⁷⁷ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 19.

¹⁷⁸ Там же. Л. 53.

¹⁷⁹ Там же. Л. 78.

¹⁸⁰ Там же. Л. 108.

¹⁸¹ Там же. Л. 62.

¹⁸² Там же. Л. 123.

ящик с книгами склада учебных пособий, включая одну секретную. Высказывались различные версии случившегося — мог быть виноват заведующий учебной канцелярией академии Ф. А. Мартынов либо при эвакуации произошла ошибка в подсчетах. Помимо этого в печати появились заметки о продаже библиотечных книг на рынке, что негативно влияло на репутацию академии, поскольку давало основания говорить о хищениях. Библиотекарь Дружинин заявил, что, если книги не найдутся, их стоимость нужно вычесть из жалования Мартынова. Последний на это обиделся, так как пропали и его книги¹⁸³. И. д. заведующего складом учебных пособий в июле 1921 г. предложил взыскивать деньги с тех, кто не возвращал книги в библиотеку, чтобы за счет этих средств пополнять и обновлять издания¹⁸⁴.

Помимо сбора книг академия собирала исторические материалы. Собирались стенограммы заседаний дальневосточного народного собрания и другие документы. В сентябре 1922 г. представители академии пытались получить картину «Бой на р. Ялу», принадлежавшую 36-му Сибирскому стрелковому полку, но оказавшуюся в частных руках¹⁸⁵. Сотрудники академии не оставляли без внимания реставрацию академического имущества. В июле 1921 г. обсуждалось восстановление огромной по размеру (3,5 × 2 м) картины кавалерийского сражения авторства Шарля Верне¹⁸⁶.

Сам Андогский в мае 1921 г. забрал себе на квартиру три ящика архива фельдмаршала Милютина¹⁸⁷. Возможно, для исследовательской работы. В ноябре 1921 г. эти ящики были возвращены в академию¹⁸⁸. Награды и регалии Милютина хранились в денежном ящике академии¹⁸⁹.

Вопрос отношения к ценнейшим собраниям академии и их судьбе приобрел и для красных, и для белых политический оттенок. Недоброжелатели Андогского в среде эмиграции активно использовали нежелание генерала вывозить академию и ее ценности за границу в целях его компрометации как сторонника большевиков¹⁹⁰. Большевики же, в свою очередь, обвиняли Андогского в стремлении вывезти все за рубеж или продать японцам.

---

¹⁸³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1636. Л. 124–125.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1657. Л. 144.

¹⁸⁵ Там же. Л. 84.

¹⁸⁶ Там же. Л. 125.

¹⁸⁷ Там же. Л. 129.

¹⁸⁸ Там же. Л. 148.

¹⁸⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 66. Л. 51.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 55.

На самом деле имущество академии было столь значительно, что вывезти его было непросто, даже если бы начальник академии этого желал, тем более, что оно находилось на острове.

Академия с ее богатым имуществом была лакомым куском для преступников. Охрана имущества была в 1922 г. вопросом несправедливым, так как на академию было совершено несколько грабительских налетов. 31 марта 1922 г. произошла первая кража. В ночь на 26 июля 1922 г. грабители взломали дверь склада академического инвентаря и похитили вещи офицеров, причем во время второго ограбления было похищено дело с дознанием о первой краже. Таким образом, два преступления были связаны. При втором ограблении были похищены две зрительных трубы, представлявших историческую ценность и, возможно, принадлежавших фельдмаршалу Милютину. Помимо этого были похищены орден Святого Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и серебряная цепочка¹⁹¹. Известия об ограблении просочились в прессу — заметки об этом появились в газетах «Русский край» и «Вечерняя газета», что вызывало недовольство руководства академии, так как заметки были основаны на слухах.

Чтобы спасти бесценные реликвии к сентябрю 1922 г., служащие академии, не рассчитывая на помощь властей, три месяца несли ночные дежурства, охраняя библиотеку. Вольнонаемный служащий Г. Кузьминцев даже заболел от этого и просил его уволить. Заведующий складом учебных пособий отмечал, что Кузьминцев отлично знал склад и доказал свою полезность «в сложных и трудных условиях многократных эвакуаций»¹⁹². В октябре 1922 г. Кузьминцев выразил желание вернуться с академией в Европейскую Россию¹⁹³.

До октября 1922 г. охрану академии несли чины милиции. Еще 7 сентября 1922 г. приказом начальника тылового района контр-адмирала Ю. К. Старка штабам, управлениям, учреждениям и заведениям Земской Рати было предписано организовать самоохрану¹⁹⁴.

В связи с постепенным выводом из Приморья японских войск, 4 октября 1922 г. началось наступление Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР) на последний очаг антибольшевистского сопротивления на территории России.

---

¹⁹¹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 115. Л. 1, 4 об., 5, 9, 10.

¹⁹² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1636. Л. 143.

¹⁹³ Там же. Л. 147.

¹⁹⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

Из-за мобилизации и необходимости иметь войска на передовой академия осталась беззащитной. 11 октября приказом начальника обороны Русского острова было предписано охранять имущество академии своими силами¹⁹⁵. Некоторое время библиотека академии никак не охранялась. К 12 октября караул отсутствовал уже пятый день¹⁹⁶, что грозило самыми плачевными последствиями. Была организована команда самоохраны, которой руководил штабс-капитан Дружинин. Не считая начальника команды, всего в ней значилось 19 человек, разбросанных по районам 3-го крепостного артиллерийского, 33-го и 36-го Сибирских стрелковых полков¹⁹⁷. Дружинин руководил самоохраной в районе 3-го и 36-го полков, а в районе 33-го полка руководителем был прапорщик Никулин. Для надлежащей охраны требовалось восемь человек, но ночные дежурства одновременно несли только два сторожа. Охрана не имела теплой одежды, поэтому требовалась смена, а также резерв на случай нападения¹⁹⁸. При ручательстве в благонадежности сторожей оружие и боеприпасы для них был готов выделить начальник гарнизона Русского острова. Интересно, что среди сторожей были чиновники академии Саук и Мартынов. Всего в академии налицо к 15 октября 1922 г. было 57 человек¹⁹⁹.

В эмигрантских кругах муссировался слух о том, что Андогским якобы 23 октября 1922 г. был отдан приказ об оставлении академии на Русском острове для передачи ее в распоряжение советской власти. На самом деле такого приказа по академии не было. Хотя нельзя исключать, что перед тем, как эмигрировать из России, Андогский мог оставить какие-то руководящие указания сотрудникам, не пожелавшим уезжать.

Андогский из Владивостока вместе с семьей уехал в Дайрен. Его умение приспособливаться и к красным и к белым, спасшее для России бесценные сокровища академии, многих раздражало. В одной из статей под красноречивым заголовком «Андогский — советский деятель» говорилось, что «поведение Андогского весьма осторожное, что не мешает, однако, его отличному душевному настроению. Вкрадчивость и кошачья поступь отлились в изящные формы, за которыми скрывается волчья натура «очаровательного» Андогского. Предлагая чашку Вам ароматного кофе, он с удовольствием поделится с Вами

---

¹⁹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁹⁶ Там же. Л. 43.

¹⁹⁷ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 103.

¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1621. Л. 57.

¹⁹⁹ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 104.

своей глубокой грустью судьбы академии, и, обронив случайную слезинку, он Вам расскажет, что только несчастное совпадение обстоятельств заставило отделиться от академии, которую не успели подготовить ему для эвакуации в Японию и что в этом, с одной стороны, виноваты профессора, не выполнившие его задачи в 4-хдневный срок, а, с другой, генерал Дитерихс, который ему якобы отказал в содействии по эвакуации академии. Вообще, в этом виноваты все кто угодно, только не он — Андогский, уверявший в свое время генерала Вержбицкого, что только он, Андогский, единолично отвечает за судьбу академии... Но дело свершилось: заветная мечта Андогского, наконец, выполнена. Академия в г. Москве»²⁰⁰.

Профессорско-преподавательский состав по-разному отнесся к тому, стоит ли оставаться в России или эмигрировать. Для такой фигуры, как генерал Андогский, безопаснее было уехать за границу. Часть преподавателей разъехалась по свету за время вынужденного бездействия академии. Уехали генерал М. А. Иностранцев — в Европу с чехословаками, полковник Слижиков отправился в Шанхай и Харбин, полковник Осипов уехал в нидерландскую Индию (современная Индонезия) и на Яву. Преподаватель верховой езды, вр. и. д. завхоза и вр. и. д. правителя дел ротмистр Арнгольд уехал в Шанхай. Заведующий верховой ездой подполковник Вуич уехал в Харбин. По слухам, при эвакуации на японском пароходе обстановка была нервной, некоторые профессора не могли найти себе и своим семьям места²⁰¹. Не переносивший японцев генерал Антонович отказался ехать на их пароходе и остался на милость победителей. Как отмечалось в приказе по академии 24 октября 1922 г., отъезд Андогского и Арнгольда был внезапным²⁰². Получалось, что Андогский бросил академию и сбежал.

Выдержав 8–14 октября ряд ожесточенных встречных боев, Земская Рать оставила 17 октября Никольск-Уссурийский. 25 октября 1922 г. части НРА ДВР вступили во Владивосток. 13 ноября 1922 г. на Дальнем Востоке была провозглашена советская власть, а уже 16 ноября он был присоединен к РСФСР. Гражданская война в России завершилась.

Часть персонала академии осталась на Русском острове и во Владивостоке. Среди них были заслуженные ординарные профессора Б. М. Колюбакин, Г. Г. Христиани, ординарные профессора А. И. Медведев и Н. И. Коханов, экстраординарный профессор

---

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 132 об.

²⁰² РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 107.

В. Г. Болдырев, остался и подполковник Наумов, ставший новым вр. и. д. правителя дел²⁰³.

Профессор Медведев с 23 октября временно возглавил академию²⁰⁴. Администрация академии в приказах теперь указывалась без привычных чинов. Уже 28 октября Медведев из генерала превратился в гражданина и должен был подчиняться приказам НРА ДВР. В этот день вр. и. д. начальника полевого штаба НРА ДВР ему было выдано следующее предписание:

«Гражданину Медведеву Александру.

Вы назначены вр. и. д. начальника Военной академии, эвакуированной в свое время из гор. Петрограда и находящейся ныне во Владивостоке.

Предписываю Вам:

1 — Немедленно свернуть академию и типографию при ней.

2 — Подготовить к отправке по жел. дороге все имущество и инвентарь, для чего произвести точный расчет потребного подвижного состава и упаковать имущество, с гарантией доставить его в исправном виде в Москву. Постройка необходимых для этого ящиков поручается одновременно начальнику инженеров.

3 — Личный состав Военной академии распределить следующим образом: весь учебно-административный состав вместе с академией будет направлен в распоряжение начальника академии РККА; вместе же с академией отправятся остальные военнослужащие и часть вольнонаемных, желающих вернуться в Сов<етскую> Россию. Военнослужащих, не принадлежащих к учебно-административному составу и желающих остаться здесь, — препроводить к местному воинскому начальнику, остальных вольнонаемных уволить теперь же, кто не является нужным для работ по подготовке р<е>эвакуации академии; при отправке в Россию принять в расчет и семейства отъезжающих туда.

4 — Одновременно командироваться один из политработников в качестве временного комиссара.

5 — О ходе подготовительных работ доносить мне через каждые три дня.

Подписали:

Вр. и. д. начальника Полевого штаба Н. Р. А. Тюфяков.
Военком Аксенов»²⁰⁵.

---

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 75. Л. 224.

²⁰⁵ РГВА. Ф. 33892. Оп. 1. Д. 82. Л. 110.

29 октября было предписано считать днем начала работ по эвакуации академии. Отношение новых властей к академии было дружественным. Главком НРА ДВР И. П. Уборевич даже передал 28 октября благодарность всему личному составу академии за сохранение имущества академии. Еще одну благодарность передал 26 октября председатель Революционного штаба²⁰⁶.

31 октября 1922 г. приказом Уборевича академия была временно включена в состав Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Профессура, преподаватели и небольшой хозяйственный аппарат продолжали находиться на службе. Жизнь старой академии продолжалась. С 30 октября новым вр. и. д. завхоза стал и. д. библиотекаря А. С. Дружинин.

Телеграмма из Москвы предписывала академии 26–27 ноября выехать из Владивостока, для чего НРА должна была предоставить вагоны²⁰⁷. В начале декабря 1922 г. военная академия по распоряжению новых властей отправилась в Москву, куда прибыла в феврале 1923 г. По пути в Москву в Красноярске пожилые профессора Колюбакин, Христиани и Медведев были арестованы. Не вынеся тягот, все трое вскоре скончались. Бывший начальник академии Генштаба РККА, выдающийся военный деятель А. Е. Снесарев записал в своем неопубликованном дневнике 22 апреля 1923 г.: «Прибыли проф<ессора> старой академии, но попутно их всех арестовали; доехали А. И. Медведев и Б. М. Колюбакин... 2^й умер, 1^й — распродается и ищет работы... Думаю его провести в Главуки²⁰⁸, но хотят навязать мне... Удивительно, никого не влекут и не тешат лавры внешнего успеха...»²⁰⁹. Из оставшихся в СССР пережили этот период Болдырев, Коханов и Антонович.

Вопрос о передаче сокровищ академической библиотеки в академию Генштаба РККА был поднят еще в период разгрома Колчака в конце 1919 г. Начальник академии А. Е. Снесарев писал начальнику Всероссийского главного штаба 10 декабря 1919 г.: «По полученным сведениям в Омске осталась большая часть богатейшей библиотеки бывшей Николаевской академии Генерального штаба. Библиотека находится сейчас в распоряжении штаба 5-й красной армии. Прошу срочных Ваших рас-

---

²⁰⁶ Там же. Л. 111.

²⁰⁷ Там же. Л. 125.

²⁰⁸ Главные руководители академии по предметам.

²⁰⁹ Дневник А.Е. Снесарева за 1923 г. Л. 1199–1200 // Архив семьи Снесаревых (Москва).

поряжений о сохранении в целостности и неприкосновенности этой драгоценнейшей библиотеки республики для красной академии до прибытия приемщиков от академии»²¹⁰. В дело спасения библиотеки академии включился председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий, вообще равнодушный ко всякому значимому вопросу военно-научной жизни того времени. Однако поскольку белые в 1919 г. эвакуировали академию, из 5-й армии пришло сообщение, что о библиотеке ничего не знают²¹¹. Лишь через три с лишним года библиотека возвратилась в Европейскую Россию.

Имущество старой академии частично было передано Военной академии РККА. Как отмечал комиссар Ф. П. Никонов, «библиотека академии попала в руки сибирского правительства и сначала была эвакуирована в Омск (правильно — в Томск. — А. Г.), потом в Томск и лишь сейчас большая часть ее возвращена, кажется, что почти целиком возвращена»²¹². В 1925 г. 180 пудов книг и 45 ящиков архивных материалов академии поступили на хранение в военно-исторический архив. Поэтому нельзя в полной мере согласиться с генералом П. Ф. Рябиковым, по мнению которого «старая академия Генерального штаба, пережив столько тяжелых испытаний и проделав путь Петроград — Екатеринбург — Томск — Владивосток, умерла...»²¹³. Наследие академии, ее музеи, архив (среди которого знаменитые воспоминания и дневники военного министра Д. А. Милютина, опубликованные только в наши дни), библиотека остались в России и приносят пользу сегодня.

Период 1920–1922 гг., как и предшествовавший ему, оказался трудным временем для академии Генерального штаба. В обстановке политической нестабильности на Дальнем Востоке и быстрых перемен академии приходилось лавировать. Руководство и сотрудники академии преследовали две главных цели — выжить между различными, нередко взаимоисключающими политическими режимами и сохранить для будущих поколений имущество академии — уникального военно-учебного заведения общероссийского значения. Так или иначе, обе этих цели были достигнуты. Несмотря на частые перевороты, смены власти, иностранную интервенцию, академия уцелела, а ее личный состав смог выбрать между тем, чтобы эмигрировать или остаться в России.

---

²¹⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1006. Л. 110.

²¹¹ Там же. Л. 111.

²¹² РГВА. Ф. 33221. Оп. 2. Д. 175. Л. 16.

²¹³ ГА РФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Л. 133.